

КАРЕЛЬСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Издательство «Детская литература»

ШКОЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

МОСКВА • «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» • 1972

С (Карел)
К22

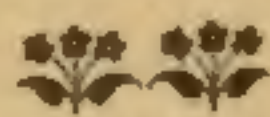
СОСТАВИТЕЛЬ
У. С. КОНКА

СОДЕРЖАНИЕ

ЯККО РУГОВЕВ. СКАЗКИ ЛЕСНОГО КРАЯ _____	3
УМНЫЙ СКАЗОЧНИК _____	5
ОЛЬХОВАЯ ЧУРКА _____	8
ПОЧЕМУ ВОДА В МОРЕ СОЛЕНАЯ _____	24
УМНАЯ ДОЧЬ БЕДНЯКА _____	28
ЛИСА, СОРОКА И ВОРОНА _____	33
ГОЛУБАЯ ВАЖЕНКА _____	37
ТУХКИМУС _____	43
ЛИСА, ВОЛК И МЕДВЕДЬ _____	53
ПРИЛЕЖНАЯ И ЛЕНИВАЯ _____	56
ДЕВУШКА НА БЕЛОМ КОНЕ И ХРАБРЫЙ ЮНОША _____	62
КОТ МУЙЛОВИЧ АРТАМОНОВИЧ _____	74
ПТИЧКА-НЕВЕЛИЧКА, КРАСНЫЕ ПЕРЫШКИ, ЗОЛОТОЙ НОСОК _____	79
СУМА, ДАЙ УМА! _____	84
КРАСАВИЦА НАСТО _____	90
КОЗА И БАРАН _____	100
ПЕТУШОК С КРАСНЫМ ГРЕБЕШКОМ _____	104
СЕСТРА И ДЕВЯТЬ БРАТЬЕВ _____	111
КУКАРЕКУ _____	119
ИГЛА, БЕЛКА И РУКАВИЦА _____	124

СКАЗКИ ЛЕСНОГО КРАЯ

У многих людей, никогда в своей жизни не побывавших в Карелии, сложилось о ней представление как о суровом крае с мрачными лесами, болотами и скалами, где даже солнце очень редко греет человека своим теплом. А в действительности Карелия — это изумительно красивая страна вечнозелёных хвойных лесов, тысяч синих озёр и рек, мощных водопадов, страна трудолюбивых, смелых и честных людей — лесорубов, сплавщиков, земледельцев, рыбаков и охотников. И климат в Карелии не такой уж суровый: зима здесь чаще всего мягкая и снежная, а летние месяцы, когда с раннего утра до позднего северного вечера светит ласковое солнце, когда в короткие светлые ночи в сосновых борах не умолкает звонкое кукование кукушки и воздух наполнен ароматом цветущей черёмухи, — эти чудесные месяцы неповторимы. В лесах Карелии обитает бессчётное количество разнообразной дичи, много лосей, оленей и ценного пушного зверя, здешние воды богаты прекрасной рыбой, а недра земли содержат замечательные полезные ископаемые и хороший строительный камень — гранит и мрамор.

Карелию знают также как родину всемирно известного народного эпоса «Калевала», Карелия — это колыбель неиссякаемого устно-поэтического народного творчества — рун, сказок, былин, пословиц и поговорок.

Вековые мечты народа о счастье воплотились в песнях и сказках. В длинные осенние вечера в рыбацкой избушке или зимой дома, когда вся семья и даже соседи собирались рукодельничать у камелька, мудрые старики пели песни о кузнеце Илмаринене, который выко-

вал чудо-мельницу Сампо, молотившую людям муку, соль и деньги. В сказках рассказывалось о волшебных приключениях, которые совершались людьми в поисках лучшей жизни. Простой мужик был умным, отважным, находчивым, хитрым, и в единоборстве со своим врагом — с попами, богатеями, генералами, царём — он всегда выходил победителем.

Сказки возбуждали в слушателях жизнерадостность, стремление к активной деятельности. В смехе над врагами выражался своеобразный народный протест против существующих порядков. Много было сложено сказов о природе и о животных — сказок для детей.

За прошедшие четыре десятилетия после революции на карте республики появились новые прекрасные города и рабочие посёлки, железные и шоссейные дороги, Беломорско-Балтийский канал. Там, где раньше почву обрабатывали деревянной сохой, ныне пахут тракторами. Топор лесоруба заменён моторной пилой. Карельские рыбаки имеют современные механизированные орудия лова. Многочисленные промышленные предприятия Карелии производят бумагу, картон, целлюлозу, пиломатериалы, стандартные дома, тракторы, слюду, алюминий. Электрический свет загорелся в самых глухих лесных деревушках. Считавшаяся ранее неплодородной древняя карельская земля даёт повсеместно высокие урожаи пшеницы и овощей, во многих районах созданы замечательные плодово-ягодные сады. В республике много высших и средних учебных заведений.

Невиданный размах получило и песенное творчество талантливых карельских исполнителей, а сказки бережно собираются и изучаются. В последние годы в республике изданы десятки сборников народных сказок, песен, поговорок и пословиц. Лучшие сказочники пользуются по-прежнему большой популярностью среди народа.

Якко Ругоев

УМНЫЙ СКАЗОЧНИК

Жил в давние времена один царь. И до того он любил сказки, что дня не мог провести без них. А легко ли было рассказывать тому царю сказки, коли их все ему пересказали, а он их переслушал! Да мало того: ты ему не просто сказку расскажи, а обязательно новую, о которой он и слыхом не слыхал. А расскажешь старую, так непременно голову тебе отрубят. Таково было его решение, таков был его приказ. На то он и царь. Ну, и летели в его государстве головы с плеч, потому что некому было сказать сказку, которую бы царь не знал.

Вот и настал день, когда никто не согласился к царю пойти, никто не решился ради царской прихоти голову сложить.

Забегали министры, засуетились слуги. А царь вопит:

— Коли не представите сказочника — всем головы потшибаю!

Теперь понятно, почему министры забежали?

То-то!

Однако бегай не бегай — охотников нет за просто так свою голову отдать. Не идёт никто, и весь сказ. А царь шипит!..

Вдруг, представьте, нашёлся один молодец, отчаянная голова! Сам вызвался.

— Давайте, — говорит, — я пойду к царю!

Взял да и пошёл.

Царь усадил его и говорит:

— Сказывай!

А молодец начинает:

— Было то во времена давние, когда мой дед и твой дед вместе один сарай строили, да такой здоровущий, что по бревну его белка с конца в конец за целый день едва доскакать могла. Вот это был сарай так сарай!.. Не слыхал?

— Не слыхал, — сказал царь.

— Ну, коли не слыхал, — сказал молодец, — так и спи, а я завтра приду.

И ушёл.

На другой день приходит. Царь ему сам стул подставляет, говорит:

— Сказывай сказку!

А тот начинает:

— Помнишь, какой сарай мой дед и твой дед построили? Так вот, вырастили они в том сарае быка, да такого, что ласточке, чтобы с одного его рога на другой перепорхнуть, целый день лететь нужно было! Про это слыхал?

А царя уж не сказка занимает, а узнать не терпится, где теперь этот бык находится. Царь и говорит:

— Нет, не слыхал!

— Ну, а коли и эту сказку не слыхал, — говорит молодец смело, — тогда ложись спать, а я завтра приду.

И ушёл и опять голову целой унёс.

Лежит царь, с боку на бок ворочается, думает: «Вот ведь умник, умеет сочинять! Но и я не лыком шит: ума не хватит — хитростью одолею. Придерусь, и всё одно отрубят тебе голову!»

Поутру созвал царь своих министров и говорит им:

— Приходите вечером сказки слушать. И запомните: что этот молодец ни скажет, вы на то дружно говорите, что, мол, уже слышали.

Пришёл молодец в третий раз. Царь ему стул навстречу выносит.

А молодец начинает:

— Когда твой отец и мой отец по соседству царствовали,

взял твой отец у моего отца займы золото: сорок бочек тем золотом наполнили, и каждая бочка доверху полным-полна. Вот сколько золота в них было... Слыхали?

А министры царский наказ помнили и закричали все разом:

— Слыхали!

— Ну, раз слыхали, — сказал молодец, — то тогда пришла пора — отдавай, царь, долги!

Что делать? Тут уж не до казни, не до головы, срам-то какой — золото взял и не отдаёт! Пришлось царю раскошиться!

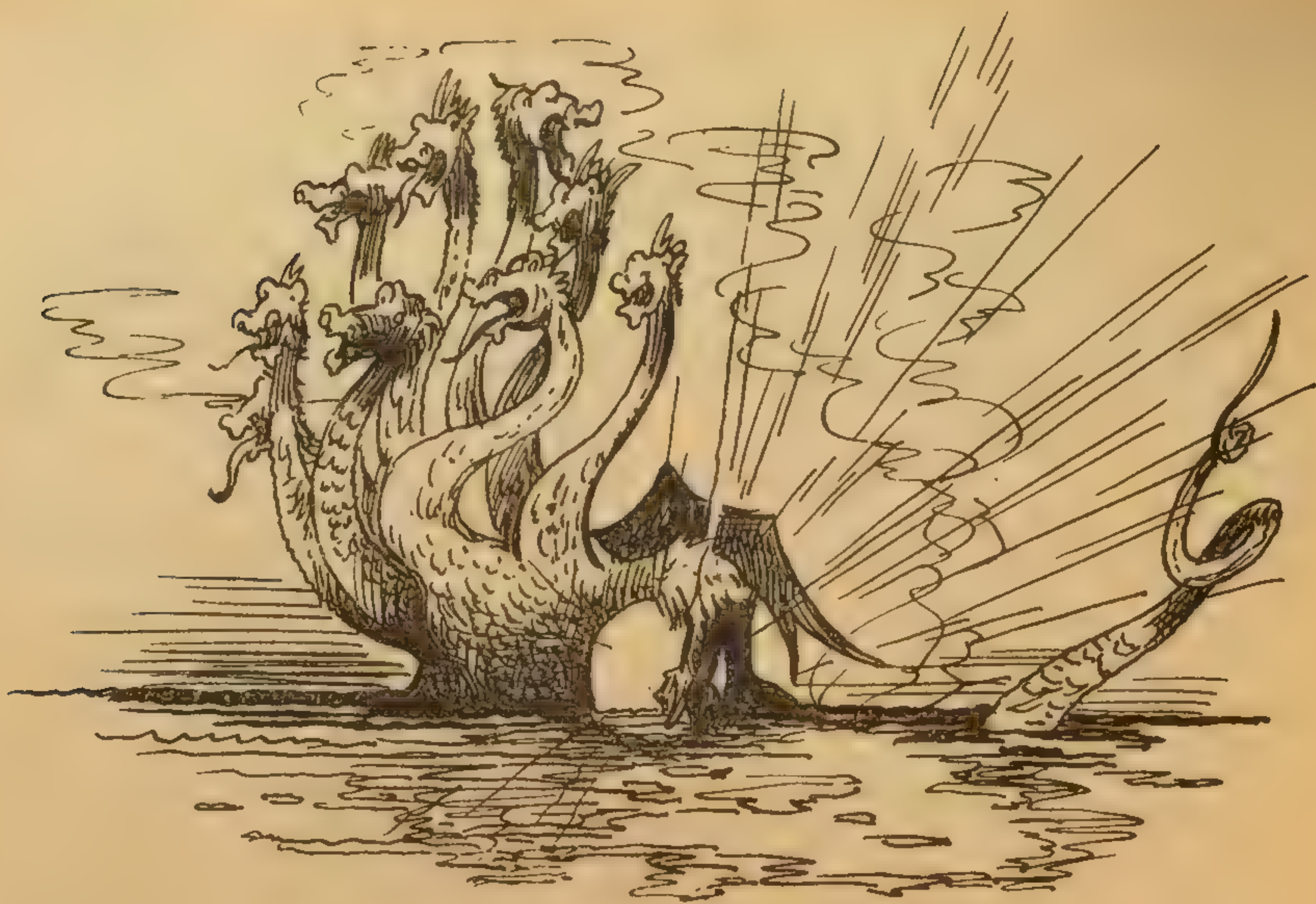
Стали золото собирать, всё собрали, всю казну подчистую подмели, и набралась всего одна бочка.

Ну, да наш молодец не жадный. Ему и одной бочки довольно было.

Забрал он золото и поехал. А царь... царь с тех пор остерегался головы рубить! И сказки слушал, да ещё спасибо говорил!

Так-то вот!

ОЛЬХОВАЯ ЧУРКА

Давным-давно жили старик со старухой. Детей у них не было, и жилось им на свете без радости, без счастья.

Вот сказала как-то старуха:

— Принёс бы ты, старик, из лесу хотя бы ольховую чурку. Я бы её вместо ребёнка в люльке качала, нянчила, и то веселей!

Пошёл старик в лес и принёс оттуда ольховую чурку. Старуха её спеленала, словно ребёнка, в колыбель положила и ну качать!

Три года качала старуха ольховую чурку. А на четвёртый ожила чурка и превратилась в мальчика.

Однажды, когда старик на пашне был, а старуха коров доила, поднялся мальчик из колыбели и давай по избе ходить. Вернулись старики домой — глазам не верят: маль-

чонка ловкий, крепкий, на ножки быстрый!.. Обрадовались старые и назвали сына — Ольховая Чурка.

Прошло столько-то лет. Вырос Ольховая Чурка, настоящим молодцом стал, таким сильным, пригожим, что ни в песне спеть, ни в сказке сказать.

И вот приключилась беда. Однажды проснулись старик со старухой, смотрят — нет на небе ни солнца, ни месяца, ни зари утренней. Пропали они, а куда — никто не знает.

Зажгли старик со старухой лучину, стали глядеть, да куда там — нет ни солнца, ни месяца, ни зари утренней. Тьма одна кругом, да и только.

Три года длилась тёмная ночь. Измучились люди, невоготу стало. И начали между собой разговоры вести, как найти солнце, месяц и зарю утреннюю, потому что без них жить невозможно.

Тогда-то вот и царь спохватился.

— Пора, — говорит, — их, родимых, искать!

Собрал со всего царства людей разных — старых и малых, богатых и бедных — всех, кто умом и силой отличался, и устроил пир, чтобы на том пиру узнать, кто из людей способен вернуть людям солнце, месяц и зарю утреннюю.

Неспроста созвал царь народ, неспроста велел столы накрывать, царскими кушаньями угощать, вином поить.

Был у того царя напиток волшебный, крепкий-прекрепкий. И знал царь: кто три чаши того напитка сможет выпить, освободит утреннюю зарю. А кто шесть чаш выпить сможет, освободит месяц, а кто все девять чаш напитка огненного этого одолеет, тому под силу и солнце освободить!

Ну, стали среди народа смельчаков искать. Искали, искали — нашли одного: выпил три чаши. Искали, искали — нашли другого: выпил шесть чаш! А вот такого, кто бы все девять чаш выпил, найти не смогли.

Тут гости царю в один голос сказали:

— Во всей земле только один богатырь есть — Ольховая Чурка! Ему под силу девять чаш колдовского зелья выпить, ему под силу солнце из неволи освободить.

Приказал царь Ольховую Чурку привести. Привели его. И он как ни в чём не бывало все девять чаш осушил.

— Ну, — говорит царь, — что вам молодцам-смельчакам надобно, чтобы освободить солнце, месяц и зарю утреннюю, вернуть людям свет и счастье?

Пошептались между собой молодцы, и Ольховая Чурка говорит:

— Надобно нам немного: мечи у нас свои есть. А вот у тебя, у царя, попросим то, чего мы, люди бедные, не имеем: дай ты нам, царь-государь, каждому по коню и одну свору собак, да не из дворца — они у тебя больно злые, без разбору и нас покусать могут, — а дай собак простых, дворовых, что на лиходеев и разбойников бросаются.

Собрали смельчаков в дорогу; на коней усадили, собак в свору связали, и отправились молодцы в путь-дорогу. Ехали они, ехали, долго ли, коротко ли, кругом темно — кто его знает, сколько ехать им пришлось. Только вдруг смотрят — светать стало.

Ещё малость проехали, ещё светлей стало: и чудно даже, будто месяц на небе промелькнул и исчез.

А там, глядишь, посветлело — будто заре утренней навстречу они спешат!

Ещё проехали, глядь — солнышко!

Вот тут-то и приехали они к неведомому замку.

А возле замка в своей избушке жила старая вдова.

Зашли они в избушку, поздоровались, сказали:

— Вот диво дивное — у вас здесь солнце светит! А у нас пропало оно совсем.

— Ох, ох, сыночки мои! — говорит вдова. — И у нас золотое солнце не всегда светит! Какой-то злодей, недобрый человек, проклял солнышко, что жгло оно сильно, а тем девятиглавый змей воспользовался и похитил солнце. Как приходит пора змею в море спуститься, так уносит он солнце с собой, и тогда у нас темным-темно. Как поднимается змей, чтобы над землёй летать, так выпустит солнце, и у нас светло. Другой злодей месяц проклял: мешал, видишь, ему воровать, дела тёмные творить. И шестиглавый змей унёс месяц к себе. Как уходит он в море, так и месяц исчезает, а как выходит на землю, так и месяц нам светит. А третий злой человек зарю утреннюю проклял. Лентяй был: проклял зарю, что она рано вставала, ему спать мешала. Вот и унёс зарю трёх-

главый змей. Когда змей на земле, у нас день настаёт, а когда уходит он в море, под воду, и день кончается...

Выслушали смельчаки, что старая вдова сказала, и отправились на замок здешнего царя поглядеть. Пришли и удивляются. Видят они: все дома в округе чёрными сукнами завешены, и стены их, и двери, и окна, а люди плачут, слезами заливаются.

Удивились путники, стали спрашивать, что случилось в царстве этом, что всюду горе, печаль и слёзы. И сказали им жители:

— Потому мы все плачем, убиваемся, что сегодня вечером выйдет из моря трёхглавый змей и царь должен отдать ему старшую дочь на съедение. Если же не отдаст, проглотит змей полцарства и не подавится!.. А нашёлся бы храбрец, убил бы того змея, так не только бы царевну спас — освободил бы он зарю утреннюю из плена змеиною и стала бы она по-прежнему светить всем людям.

А тем временем зашили царские слуги царёву дочь в кожаный мешок и унесли к большому камню на берег, куда змей из моря выйти должен был.

Настал вечер, и час настал гибели: вот-вот выйдет змей на берег и сожрёт дочь царя.

В ту пору молодец, что три чаши напитка крепкого-крепкого осушил, оседлал своего коня, взял в руки меч и сказал своим товарищам:

— Еду я насмерть со змеем биться. Если кину вам свой сапог, пошлите мне собак на помощь!

Сказал и поехал.

А на берегу в мешке царевна от страха чуть жива лежит. Подъехал к ней молодец, кожаный мешок мечом рассек, освободил её и сказал:

— Вставай и жди, когда змей из моря выходить будет. А я тем временем посплю. Когда время придёт, разбуди меня.

Положил он голову царевне на колени и заснул крепким сном.

Вот прошло времени ни много и ни мало, потемнело небо, всколыхнулось море. Испугалась царевна, стала своего спасителя будить. А он не просыпается. Тогда встряхнула она его что было силы. Он вскочил на ноги и сказал:

— Ты скорее за камнем спрячься и жди. А я со змеем биться буду!

Только царевна за камень схоронилась, как поднялся из моря трёхглавый змей, вылез на берег, прохаживается.

— Ху-ху! — говорит. — Здесь человеческой кровью пахнет!

А молодец уже на коне, меч поднял и на змея кинулся.

Начали они биться. Бились, бились, осталась у змея одна голова: отрубил ему молодой богатырь две головы, а вот с третьей никак не управится.

Снял он тогда сапог с ноги и бросил товарищам. А они собак с цепей спустили, и те собаки на берег прибежали и на змея набросились. Тут и третьей голове его конец пришёл. Отрубил её молодец мечом своим острым.

Устал молодец, вернулся в город и спать лёг. А наутро смотрят люди — заря засияла!

И говорят:

— Слава тому, кто утреннюю зарю из змеинного плена освободил!

А царь, ничего о том не зная, не ведая, всю ночь проплакал, прогоревал. Как встал утром, велел слугам на берег сходить.

— Пойдите, — говорит, — принесите косточки моей бедной дочери!

Пошли слуги к морю царский приказ выполнять, пришли, а там царская дочь, жива, весела и собой хороша, им навстречу идёт!

Привели её слуги во дворец. Царь от радости себя не помнит, слова вымолвить не может. Приказал всё же слугам рассказать, как всё было.

А слуги говорят:

— Мы ничего не знаем. Пришли на берег, а дочь твоя живая, здоровая нам навстречу идёт. Возле камня змей мёртвый лежит, а поодаль его три головы валяются. Такие они тяжёлые были, что мы втроём одну голову и ту с места сдвинуть не могли!

На другой день опять пошёл Ольховая Чурка с товарищами по замку, по городищу гулять. Снова видят — дома в чёрных сукнах, а люди плачут, слезами заливаются. По-

шёл тот молодец, что шесть чаш осушил, к старушке вдове и спросил:

— Почему, скажи, в замке и в городище люди плачут? Змей трёхглавый убит, царёва дочь жива, весела, а они плачут.

Отвечает старуха вдова:

— Ой, сынок! Потому народ наш плачет, что царь должен отдать свою среднюю дочь на съедение змею шестиглавному! А не отдаст, так проглотит он, проклятый, полцарства и не подавится! Вот нашёлся бы храбрый человек, кому змея под силу убить, и царевну бы спас и месяц ясный из змеева плена освободил!

Пока вдова говорила это, зашили царские слуги среднюю дочь царя в кожаный мешок, отвезли на берег моря и там, возле камня горячего, оставили.

А Ольховой Чурки второй товарищ на коня вскочил, меч в руки взял и сказал:

— Еду я со змеем насмерть биться! Коли надо будет, сапог вам брошу, вы тогда собак спустите!

Прискакал на берег, мешок кожаный мечом рассек, царевну освободил и сказал:

— Глаз своих с моря не спускай, карауль, когда змей из воды выходить будет. Тогда и разбуди меня. А до того я посплю.

Положил голову на колени царевне и заснул крепким сном. Прошло времени ни много и ни мало, потемнело небо, всколыхнулось море раз, другой, третий. Стала царская дочь будить своего спасителя, а он не просыпается. Уже в четвёртый раз всколыхнулось море, в пятый, а он всё спит. Испугалась царевна, схватила булавку и уколола ею руку молодца, что меч держала. В тот же миг молодец на ногах был. Сел на коня, а царевне велел за камнем спрятаться, схорониться.

Всколыхнулось море в шестой раз, и вышел из воды шестиглавый змей. Вышел и говорит:

— Ху-ху! Человеком пахнет. Сам он ко мне на ужин пришёл!

— Ох, недобрый для тебя тот ужин будет! — вскричал молодец и направился на змея шестиглавого.

И вступил с ним в бой. Не на жизнь, а на смерть.

Бились они, бились, уже три головы молодец у змея отсек.

Бились они, бились. Уже четвёртая голова у змея с плеч долой и пятая на песок скатилась. А вот шестую никак не одолеть.

Снял тогда юноша сапог и бросил товарищам. Сорвались собаки с привязи, налетели на змея, тут и шестой его голове конец пришёл. Отрубил её меч: крепкая была рука, не дрогнула!

И в пору эту месяц серебристый в небе появился, улыбается, и люди веселятся, приговаривают:

— Пусть век будет счастлив тот, кто месяц из плена змея избавил, на землю вернул!

А царю невдомёк. Сидит он всю ночь в слезах, в горе. Дождлся утра и посылает своих слуг:

— Идите на берег, принесите оттуда косточки моей дочери несчастной!

Пришли слуги на берег, а царёва дочь сама им навстречу идёт — жива, весела, хороша, как прежде.

Привели они её к царю и докладывают:

— Там на берегу змей мёртвый лежит, и возле него шесть голов по сторонам разбросаны, раскиданы. Да такие тяжёлые, что мы шестером одну голову и ту с места сдвинуть не могли!

Настал вечер, и Ольховая Чурка с товарищами опять по замку, по городищу гулять пошли. И снова видят — люди плачут, слезами заливаются и всюду чёрные сукна висят.

Теперь уж сам Ольховая Чурка к старушке вдове пошёл и спрашивает:

— Почему, вдова почтенная, все люди плачут, убиваются?

— Потому, сынок, — отвечает старушка, — что царь должен в эту ночь свести свою самую любимую младшую дочь на берег моря, девятиглавому змею на съедение. А не отведёт — проглотит тот змей проклятый полцарства, а то и всё целиком и не подавится. Коли нашёлся бы бесстрашный человек и убил того змея, спас бы он и царевну младшую, и солнышко бы из плена змеева освободил.

Бились они, бились — уже четвёртую, пятую и шестую головы Ольховая Чурка ему отрубил, а вот последние три одолеть, отрубить не может!

А тем временем зашили слуги царскую дочь в кожаный мешок и понесли к морю.

Вскочил Ольховая Чурка на коня и крикнул товарищам: — Если плохо будет, брошу я вам свой сапог, вы собак с привязи спустите, на помощь! А коли змея не убью я, живым не вернусь!

И ускакал.

Вот и берег и кожаный мешок у камня. Рассек он мешок мечом, освободил царевну.

— Не спи, — говорит, — карауль змея, когда он из воды выходить начнёт. Тогда и разбуди меня. А я до той поры посплю.

Положил голову на колени царевне и заснул крепким сном.

Прошло времени ни много и ни мало, всколыхнулось море раз, другой, третий... Стала будить царевна Ольховую Чурку, а он не просыпается. Тормошит, трясёт его царевна, он всё спит, а море в четвёртый, пятый раз колыхнулось. Уж она кричала, стонала, а Ольховая Чурка всё спит. А море, море-то уже в седьмой и восьмой раз всколыхнулось. Вот взбугрилось оно в последний, в девятый раз, и заплакала царевна от страха, и упала горячая слеза на щеку Ольховой Чурки. Он в один миг проснулся, вскочил на коня, крикнул царевне, чтобы она спряталась. А тут из воды сам морской девятиглавый змей выходит.

Вышел змей из воды и на Ольховую Чурку в бой пошёл.

— Ху-ху! — говорит. — Сам Ольховая Чурка пришёл ко мне на съедение! Царевной я позавтракаю, а тобой пообедаю!

— Пришёл! — говорит Ольховая Чурка. — Только гляди не подавись обедом таким!

Стали они насмерть биться.

Бились, бились — уже три головы у змея слетело. Бились они, бились — уже четвёртую, пятую и шестую головы Ольховая Чурка ему отрубил, а вот последние три одолеть, отрубить не может!

— Посмотри, солнышко встаёт! — крикнул он змею. — Твоя шея такая же красная, как утренняя заря!

Оглянулся змей — тут ему Ольховая Чурка отрубил седьмую голову.

Остались у змея две головы.

— Смотри, змей, твой дом горит! — закричал Ольховая Чурка.

Но змей настороже был, не поверил, не оглянулся на этот раз.

Ещё малость времени прошло, и Ольховая Чурка снова крикнул:

— Смотри, змей, жена твоя над тобой смеётся, что ты столько голов лишился!

Тут змей не стерпел, оглянулся — и полетела восьмая голова его на песок.

Одна голова теперь осталась у змея, но её никак не срубить Ольховой Чурке.

Тут уж снял он сапог и бросил своим товарищам: мол, выручайте.

Спустили они собак с привязи. Прибежали собаки, вцепились в змея, и полетела голова девятая, последняя, и свалился змей замертво.

Вернулся Ольховая Чурка с собаками к товарищам и лёг спать.

Прошла ночь, утро настало. Смотрят люди — радость-то какая! — на небе солнышко сверкает. Сказали:

— Пусть будет вечно счастлив тот, кто солнышко освободил!

А царь ничего о том не знает, не ведает, в своей опочивальне в слезах лежит, слуг своих посылает:

— Сходите на берег и принесите мне косточки дочери моей любимой!

Пошли слуги на берег, смотрят — юная царевна им навстречу идёт: жива, весела, ещё прекраснее прежнего стала.

Рассказали слуги, что на берегу видели:

— Мёртвый змей у камня лежал, а кругом все его девять голов разбросаны, раскиданы. И такие эти головы тяжёлые, что мы вдевтером одну голову не то чтобы поднять, с места сдвинуть не могли!

Устроил царь в своём замке пир. И при всём народе сказал:

— Кто проклятых змеев убил и дочерей моих спас, пусть соберёт змеевы головы и придёт ко мне за наградой.

Пошли три молодца на берег, взяли головы, принесли царю. Он и говорит им:

— Пусть каждый из вас возьмёт в жёны ту дочь мою, которую спас. А ещё поделю я меж вами полцарства моего, богатства мои.

Поклонились царю Ольховая Чурка и его товарищи и сказали:

— Не надо нам ни твоих дочерей, ни твоего царства, ни богатства. Не за то мы бились, не для того змею каждый из нас головы рубил. Дай ты нам, царь, немного припасов, чтобы домой доехать. А на добром слове тебе спасибо!

Царь на радостях так загулял, развеселился, что лишнюю чарку хватил и заснул. Да так крепко, что и не заметил, как Ольховая Чурка с товарищами своими в путь-дорогу собрался.

Царь всё спит, спит, а уж молодцы вон куда уехали. Не видать их совсем.

Ехали они, ехали, вдруг видят — возле дороги избёнка плохонькая стоит и из неё громкий разговор слышен.

Ольховая Чурка и говорит своим товарищам:

— Вы тут постойте, а я пойду послушаю, о чём там разговор идёт. Вы не смотрите, что избёнка худая, невидная: в ней сама Сювятар живёт, мать тех змеев проклятых, что мы убили!

Сказал так Ольховая Чурка, с коня слез и обернулся горностаем. Вскарабкался на поленницу дров, что под окном избушки была, и стал слушать.

Говорит Сювятар:

— Едут убийцы моих сыновей, моих деточек ненаглядных! Думают скоро дома быть. Но не бывать тому: не уйти им от меня, не уйти!

— А что ты им сделаешь? Как помешаешь? — спрашивают её неведомые голоса.

— Напущу я на них такой голод, что они с места сдвинуться не смогут. И, на их беду, у самой дороги накрою столы со всякой едой. Но только сядут они к тем столам поесть, тут их смерть придёт. И не догадаться им, что, если б уда-

рить трижды мечами богатырскими по столам, тогда столы отравленные исчезли бы вместе с голодом!

— А если догадаются богатыри? — сказали голоса.

Тут захихикала страшная колдунья Сювятар.

— Нет, не уйти им от меня! — сказала она. — Коли в первый раз спасутся они, всё равно не оставлю я их в покое: напущу на них такую жажду, что они от слабости с коней падать будут! А возле самой дороги их я наколдую озеро, да мало того — берестяные ковшики на берегу их ждать будут. Станут молодцы пить — тут им и гибель. А догадайся кто из них по воде мечом три раза ударить, исчезло бы озеро и жажды их как не бывало!.. Но если и тут они спасутся, то есть у меня третье средство: напущу на них такой сон, что они сами с коней попадают. А возле дороги три постели поставлю. Как улягутся в них богатыри, так и не проснутся никогда: вечным сном заснут. Но, если бы успели они три раза мечом по тем постелям ударить, освободились бы от чар и сон бы с них слетел. Но всего того они не ведают, а кто мои слова повторит, тот в камень придорожный превратится!

Выслушал это Ольховая Чурка, обернулся снова человеком и пошёл к своим товарищам печальный, задумчивый. Стали они его расспрашивать, что в доме Сювятар он узнал, услышал. А он сказать не может.

— Да ни о чём там не говорили, — сказал. — Какие-то женщины болтали, а что, поди, сами не ведали.

Пустились они снова в путь. Совсем немного проехали, и напал на них такой голод, просто сил нет. Еле в седле держатся. И вдруг, откуда ни возмись, появились столы возле дороги, а на них еды всякой, снеди — видимо-невидимо! Только молодцы собрались было по куску схватить, успел всё-таки Ольховая Чурка, ударил мечом три раза по столам, и они тут же пропали.

Рассердились на Ольховую Чурку его товарищи:

— Не дал нам поесть! А еда такая хорошая была! Почему ты нам мешал пировать, отдыхать?

Что мог Ольховая Чурка в ответ им сказать? Открой он правду, превратился бы в придорожный камень, а немного спустя и они бы умерли, заколдованные жаждой.

И он сказал:

— На что нам чужая еда? Домой приедем, там и поедим. Пусть небогато, зато своё.

Сказал так, и голод у них пропал.

Поехали они дальше. Ехали, ехали и вдруг напала на них жажда, да такая, что хоть ложись и помирай. И возле дороги — надо же! — вдруг озеро появилось и берестяные ковшики на бережку заботливо положены.

Не успели молодцы за ковшики схватиться, как Ольховая Чурка трижды мечом по воде ударил, и озеро исчезло, и ковшики пропали, и жажда у путников прошла.

Едут они, едут, от усталости сон их стал одолевать. Да такой, что уже нет сил с ним бороться. Ещё шаг — и упадут они с коней. А тут вдруг появились возле дороги кровати широкие, с перинами, с подушками пуховыми.

Соскочили молодцы с коней — хотел Ольховая Чурка их опередить: ударил трижды мечом по одной кровати — она то исчезла, да успели его два товарища в другие кровати лечь и заснуть.

Горе, горе! Откуда ни возьмись, появилась Сювятар и в один миг съела тех двоих спящих.

Что делать Ольховой Чурке? Бросился он бежать, даже коня не успел взять. Остался конь у Сювятар. Вот какая была страшная колдунья.

Заперла она коней в своей конюшне, железными цепями к стойлу привязала.

Бредёт Ольховая Чурка по лесу печальный: что делать, не знает, путь до дому далёкий, без коня не добраться. Устал он, присел отдохнуть возле пня. Вдруг видит — лежит на пне человеческий глаз. Удивился Ольховая Чурка. Взял глаз, вдруг слышит голоса. Спрятался Ольховая Чурка и стал ждать.

Пришли к пеньку девять девушек. И все слепые. Не слушались они, по глупости, своих родителей. Прокляли родители сгоряча своих дочерей. И завладела ими Сювятар. Вырвала у них глаза, у бедняжек, и стали они слепые. Но всё же дала им Сювятар на всех на девятерых один глаз, в лес сходить, да и тот единственный глаз теперь прохожий взял.

Стали девушки просить, а кого — сами не знают:

— Тот, кто глаз наш единственный нашёл, просим тебя! Кто бы ни был ты, отдай нам находку! Если в отцы годишься — отцом будь. Если в братья годишься — братом будь. Если в сёстры годишься — будь нам сестрой! Если в матери годишься — будь нам родной матерью! Только верни нам глаз наш!

Тогда Ольховая Чурка вышел из-за деревьев, за которыми прятался, и сказал:

— Вот ваш глаз! Мне он ни к чему, а вы в нём и вправду нуждаетесь!

И отдал глаз девушкам.

Обрадовались девушки, не знают, как Ольховую Чурку благодарить. Стали его спрашивать, он им и рассказал о своём горе, о том, как Сювятар его товарищей погубила и коней увела, и что теперь не попасть ему домой.

Девушки выслушали его и сказали:

— Твой конь и кони товарищей твоих во дворе Сювятар в бубенцах стоят, на железной цепи. Что ни час, она нас посылает узнать, не украл ли кто лошадей. Если сумеешь ты мечом ту цепь перерубить и увести коня, мы Сювятар ничего не скажем.

Сказали девушки так и пошли к дому. Одна из них глаз на ладони держала, чтобы всем им видно было, куда идти. Ольховая Чурка за ними следом пошёл и тайком во двор к Сювятар пробрался.

Увидал он там своего коня, ударил мечом по цепи. Загремела цепь, зазвенели бубенцы. Сювятар услышала это и говорит девушкам:

— Идите скорее, поглядите, не Ольховая ли Чурка за конём пришёл?

И дала им всем по глазу, чтобы они лучше видели. Пришли девушки во двор, но никого там не увидели — Ольховая Чурка под яслями спрятался.

Вернулись девушки в избу и сказали Сювятар:

— Никого там нет. Одни кони стоят.

Подождал Ольховая Чурка, подождал, а потом опять по цепи мечом ударил. Загремела цепь, зазвенели бубенцы.

Опять Сювятар послала девушек посмотреть, не свёл ли

кто коней со двора. Послала и дала девушкам по второму глазу, чтобы лучше видели.

Вернулись девушки и опять говорят, что, мол, никого там нет, одни кони стоят.

А в это время Ольховая Чурка вылез из-под яслей и в третий раз ударил мечом по цепи.

На этот раз перерубил цепь. Но загремела она пуще прежнего.

Бросилась Сювятар сама на конюшню, увидела Ольховую Чурку и закричала:

— Попался теперь! Ну, держись, съем я тебя и вас всех, девчонок, съем, не подавлюсь!

Но тут Ольховая Чурка не испугался, выхватил свой меч и сказал:

— Пусть мой меч отомстит тебе за моих товарищей и за этих девушек несчастных!

Схватились Ольховая Чурка и Сювятар, но где было одолеть колдунье храброго юношу! Он ведь девять чаш выпил, девять голов у змея отрубил, колдовство Сювятар разгадал, солнце из неволи высвободил и всё не для себя, а для других старался. У него каждый раз силы и прибавлялись. И теперь он за друзей своих мстил и за девять девушек слепых бился!

Как ударил он Сювятар мечом, так и пришёл её конец. Только дым к небу взвился: чёрный, смрадный. На земле ничего не осталось.

А девушки благодарили своего спасителя.

Сел Ольховая Чурка на своего коня и поехал к дому, к отцу-матери.

А там его старики ждут. Обнял он родителей, и от счастья они на его глазах помолодели.

А царь узнал, что вернулся Ольховая Чурка, призвал его к себе и давай спрашивать, куда его товарищи подевались.

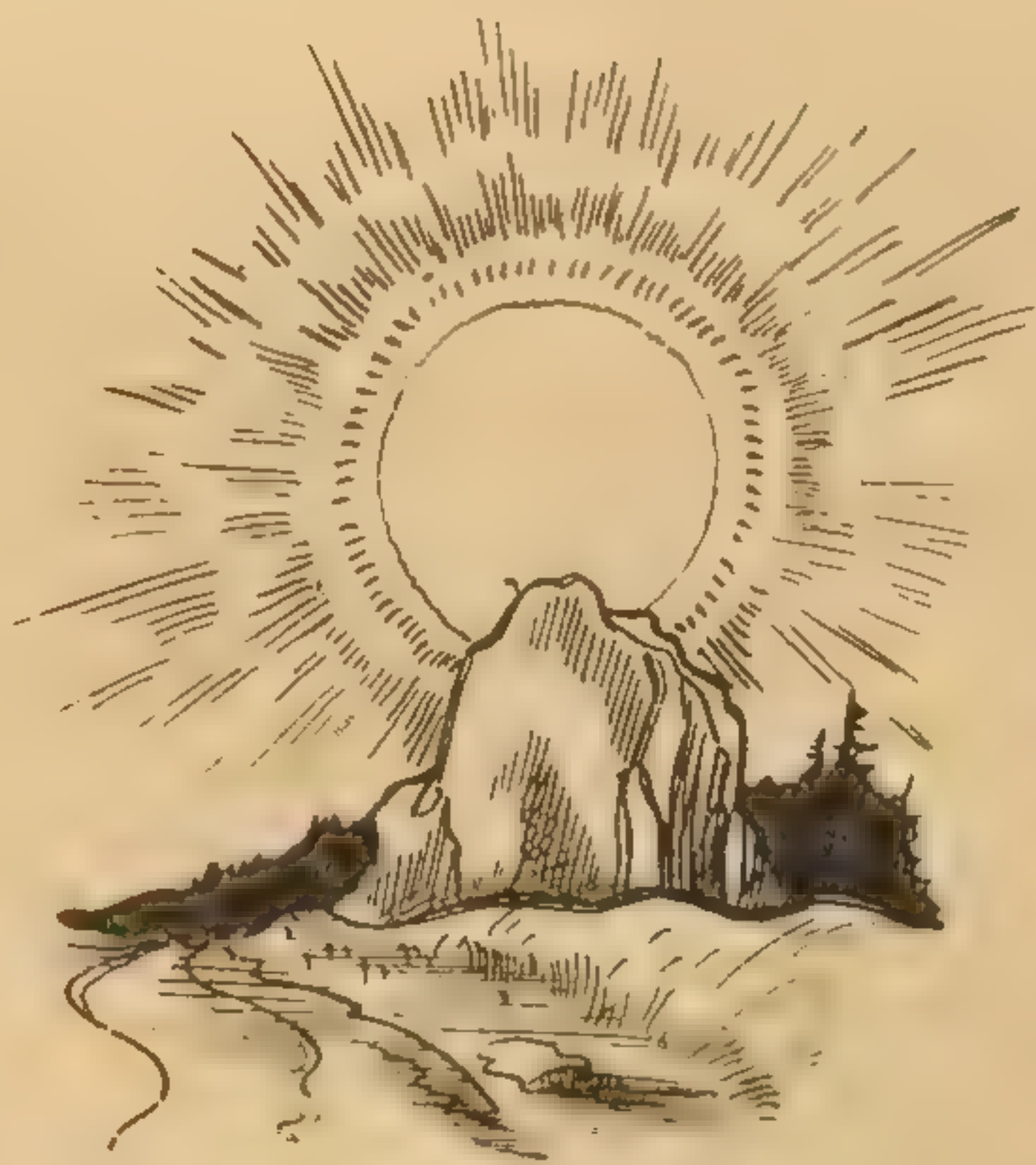
Всё рассказал Ольховая Чурка, как они со змеем о трёх, шести и девяти головах боролись, как домой возвращались, а вот о Сювятар говорить не стал. И как скажешь, коли проговоришься и превратишься в придорожный камень!

А царь не верит, не оставляет его в покое:

— Говори и говори! А не то и сказать страшно: уж не ты ли убил товарищей своих? Куда они подевались?

Не стерпел Ольховая Чурка обиды царя. Стал рассказывать. Всё рассказал: как горностаем обернулся, как слова колдовские Сювятар услышал, как дважды спас друзей своих, а вот в третий раз спасти не успел... Рассказал всё и... превратился в придорожный камень.

Так и лежит он в лесной глуши, у дороги. А солнце, которому Ольховая Чурка свободу вернул, до сих пор на земле светит.

ПОЧЕМУ ВОДА В МОРЕ СОЛЁНАЯ

Жили два брата, богатый и бедный. Настал Новый год, а у бедняка пусто в доме — нечего на стол подать, нечем семью накормить. Вот пришёл он к богатому брату, просит:

— Дай ты мне хоть для праздника немного мяса в долг. Суп сварить, детишек накормить!

Ничего не сказал богатый брат, молча ушёл, молча пришёл, принёс коровью ногу, швырнул бедняку.

Поклонился тот, благодарить стал:

— Спасибо тебе, братец, выручил!

А богач разозлился, что пришлось мясо отдать, крикнул:

— Получил и иди прочь! Хоть к самому Хийси отправляйся!

А Хийси был чудовище. Все его боялись, перед ним трепетали, детей маленьких им стращали. Вот он какой был, этот Хийси. К нему-то и послал богатый брат бедного. Что, если он по простоте своей и впрямь к Хийси пойдёт? Пропа-

дёт он там. Сожрёт его чудовище. А богач тогда рад будет — избавится от бедного родственника.

Взял бедный брат коровью ногу и пошёл. Идёт и думает:

«Делать нечего, раз брат велел, надо идти к этому чудовищу! Если живым оставит — хорошо, а если съест — и то не страшнее, чем так-то жить!»

Шёл он лесной дорогой, шёл и увидал дровосеков.

Спросил их бедный брат:

— Скажите, дровосеки, не знаете ли дорогу к Хийси?

— Да в своём ли ты уме, мил человек! — сказали дровосеки. — Хийси — чудовище, он тебя разом сожрёт!

А бедняк в ответ:

— Ну и пусть его жрёт! Мне вот надо ему эту коровью ногу снести!

Пожалели дровосеки бедного брата, да что поделаешь. Сказали, какая дорога к Хийси ведёт.

— Мы её не раз исходили, истоптали, дороженьку эту, — сказали дровосеки. — Видишь дрова — это мы для Хийси наготовили, на него, на чудовище, работаем!.. Но мы тебя научим. Ты возьми вот это полено. Берёзовое оно, крепкое. Как придёшь в дом к Хийси, руки ему не давай, а протяни полено вместо неё. Протянешь руку — без руки останешься. Вот какой Хийси. И не бери у него ничего, что бы он ни предлагал тебе. Если брать будешь — бери маленький жёрнов, с ним Хийси не расстанется, он у него за спиной висит. Жёрнов этот не простой: наметет он всё, что ни захочешь.

Поблагодарил бедняк дровосеков и пошёл дальше. А полено не забыл, с собой прихватил.

Вот и дошёл он до того самого места, где дом Хийси стоял. Зашёл бедный брат в избу, смотрит — сидит старый Хийси на печи, а жёрнов у него за спиной.

Поздоровался бедный брат, а Хийси осклабился, обрадовался будто бы, уже руку ему тянет:

— Здравствуй, гость!

Но бедняк не растерялся, вместо руки полено Хийси протянул. Схватил Хийси полено и так сжал, что из полена сок ручьём побежал.

А бедняк говорит:

— Вот взял в долг у богатого брата коровью ногу и тебе в подарок принёс. Получай!

Обрадовался Хийси, сказал:

— Подарки мне все сулят, а вот посылать никто не посылает. Разве что с собаками. А собаки, известное дело, дорогой сами всё съедят! Ты же не поскупился, сам подарок принёс. И за это я тебя награжу. Золота тебе дать или серебра? Говори, не стесняйся!

Говорит бедный брат:

— Мне денег не надо, не надо ни золота, ни серебра! А вот коли наградить меня хочешь, подари ты мне этот жерновок, что у тебя за спиной висит.

Закряхтел Хийси.

— Не хотел я с ним расставаться, — говорит, — но коль ты такой добрый, сам пришёл ко мне с подарком, так и быть — отдам. Только знай, жёрнов этот не обыкновенный: он намелет всё, что ни прикажешь.

Забрал бедняк жёрнов и пошёл домой. Как раз к празднику успел.

Только в дом вошёл и говорит:

— Жёрнов, жёрнов, намели моим деткам и семейству моему угощения к праздничному столу!

Оглянуться не успел, а уж жёрнов заработал, полетели из-под него закуски и еда всякая, аж стол ломиться стал. Столько намолот жёрнов, что даже богатому брату такое не снилось. Праздники прошли, а жернов всё мелет, всё работает, ничего в него ссыпать не надо, он сам всё делает. Стали у бедняка амбары ломиться от муки, соли, круп всяких, сахару!.. И зажил он припеваючи.

А богатый брат удивляется: откуда у бедняка столько добра? Не утерпел, пошёл он к нему, спросил. А бедный брат отвечает:

— Помнишь, брат, дал ты мне коровью ногу и приказал её к Хийси снести? Вот я и пошёл к чудовищу. А он и подарил мне чудесный жёрнов: мелет жёрнов этот, что ни захочешь! Я и разбогател.

Зависть одолела богатого брата.

— Я тебе мясо давал, — говорит, — так теперь ты мне на день, на два жёрнов дай!

— Что ж, возьми, — говорит бедный брат. — У меня всего вдоволь. Не жалко.

Взял богач жёрнов и пошёл домой.

Принёс и приказал жёрнову намотать всякого добра. Заработал жёрнов, и стал богач богаче прежнего. На другой день отправился богач в море рыбу ловить. «Дай, — думает, — с собой жёрнов возьму. Он по моему приказу соли сколько угодно даст. А я тут же в лодке рыбу солить буду! И скорее и больше наготовлю!»

Так и сделал: наловил рыбы полную лодку, на жёрнов прикрикнул и давай ту рыбу солить.

И часу не прошло, всю засолил. А ему мало, жадность одолевает, ещё хочется.

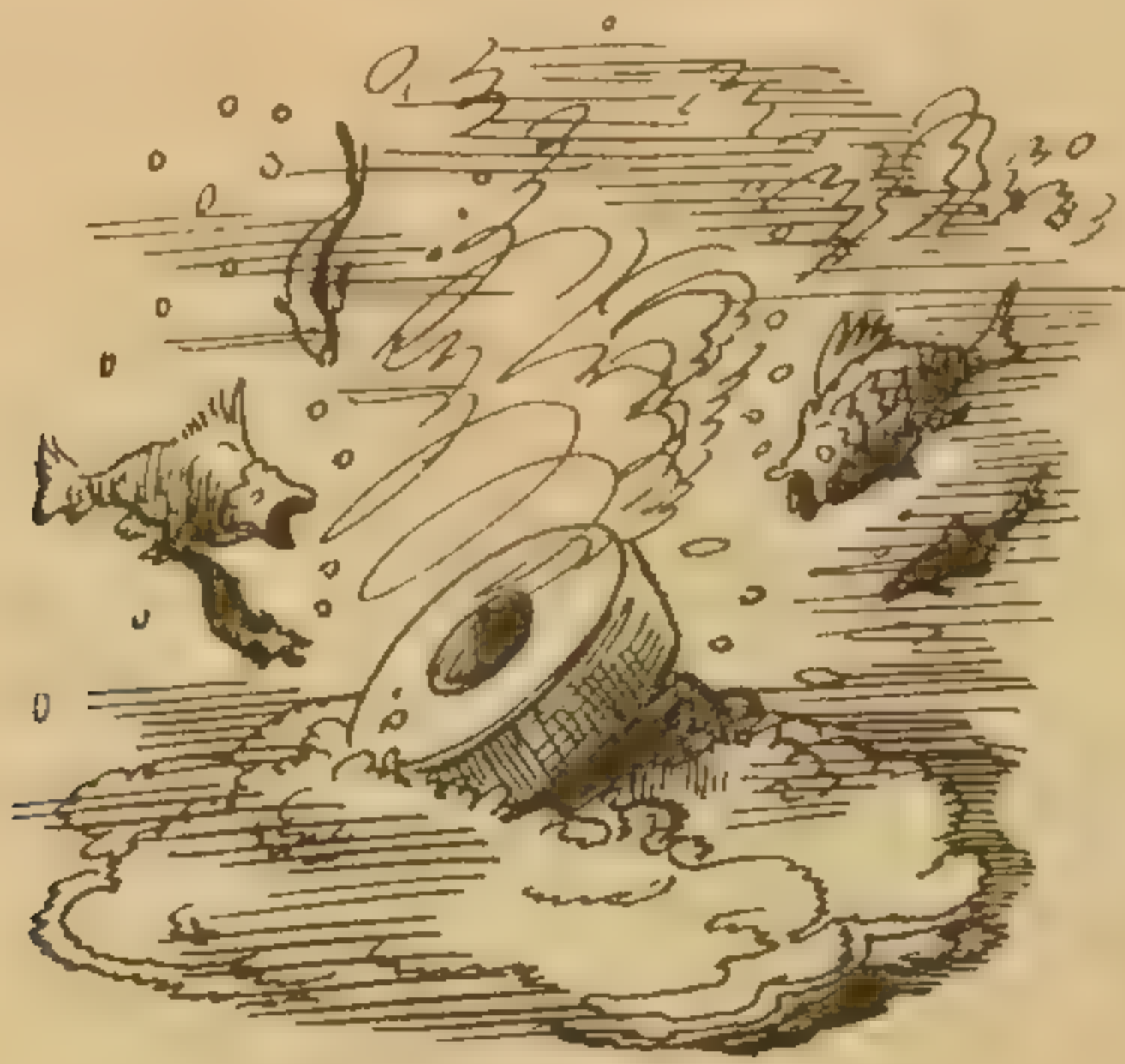
Ещё рыбы выловил и эту засолил, а всё мало. Он новую рыбу горой в лодку наваливает, солит. Лодка уж трещит, бортами воду хлебает. А богачу всё мало.

Покуда он новую рыбу ловил, жёрнов столько соли намолол, что и самому богачу деваться некуда, по пояс в соли стоит, от жадности трясётся.

Тут лодка и треснула и надвое развалилась: ко дну пошла. Вместе с богатым братом, с солью и рыбой.

А жёрнов на дно моря упал и всё мелет, мелет соль там, на дне морском. До сих пор мелет.

Вот почему вода в море солёная.

УМНАЯ ДОЧЬ БЕДНЯКА

Жили два брата по соседству. Один был бедный, а другой богатый. Вот посеяли они вместе рожь. Целое поле. Пришла пора, стали урожай убирать, делить. Бедняк, хотя и работал до седьмого пота, пока на клячонку свою самую малость нагрузил, богатый брат на двух сытых конях почти весь урожай вывез!

Пришёл бедный брат к богатому и сказал:

— Обидел ты меня, обездолил, хотя и брат мой! Работал я не меньше твоего, и делить надо было урожай по справедливости. Ты же вчетверо больше себе взял: на двух конях снопы в свою ригу возил!

А богатый брат ему ответил:

— Что ж такого, что больше взял? Я в поле на двух конях работал, а мой конь супротив твоего двоих стоит. Всё по справедливости и вышло!

Обидно стало бедному брату, и решил он пойти суд и правду искать. Пришёл к царю, стал на богатого брата жаловаться. Царь сказал:

— Приходите завтра оба, я ваш спор решу. Задам три загадки, кто угадает, тому и урожай!

Вернулся бедняк домой грустный, только что не плачет. Ну, где ему загадки разгадывать: день-деньской в поле спину гнул бедный человек, не до загадок было. А богачу от нечего делать и загадки было не впервой отгадывать. Надо же человеку хоть чем-нибудь себя тешить: не работой, так забавой!

— Пропал наш урожай, теперь всё богачу достанется! — сказал бедный брат жене. — Уж больно богач хитёр да ловок. Где мне с ним тягаться!

Но у бедного брата была дочь. Умная, ласковая, красивая. Услышала она, что отец её жалуется, и сказала:

— Что это ты, батюшка, горюешь, на судьбу сетуешь? Что царь-то тебе сказал?

— Велел завтра прийти вместе с братом богатым, три загадки, сказал, загадает, чья отгадка будет — тому и урожай!

— Не горюй, батюшка, — сказала дочка. — Ложись спать, а заботу на завтра оставь. Может, и отгадаем загадки.

Пришли два брата — богатый и бедный — на другой день к царю. Он и сказал:

— Вот вам три загадки: что жирней всего на свете? Что быстрее всего на свете? Что милее всего на свете?

Думали, думали братья, никак отгадать царские загадки не могут. Тогда царь им и говорит:

— Идите домой, умом пораскиньте. Завтра приходите. Кто отгадает, тому и урожай весь. А коли оба не отгадаете, тогда весь урожай себе заберу. Чтобы умнее были!

Ушли братья, каждый думает: что жирнее, что скорее, что милее на свете? Ну-ка, отгадай!

Пришёл бедняк домой, рассказал дочери, какие загадки загадал царь. Девушка подумала, подумала, а потом и сказала отцу, что на завтра отвечать.

Пришли на следующий день братья к царю. Он и спросил:

— Ну, разгадали вы мои загадки?

— Разгадали! — отвечают братья.

А царь и говорит:

— Пусть богатый брат первым отвечает.

Тот и начал:

— Жирней всего на свете моя свинья!

— Это ты так думаешь! — сказал царь.

А богатый брат ухмыльнулся самодовольно и сказал:

— Это уж каждому ясно, что моя свинья самая жирная!

— Ну, бедняк, а ты что скажешь? — спросил царь.

Бедняк сказал:

— Думаю я, что самая жирная на свете — земля. На ней всё растёт, всё цветёт, всему живому она пищу даёт!

— Правильно! — сказал царь. — Теперь отгадывайте вторую загадку: что быстрее всего на свете?

— Мой жеребец! — крикнул богатый брат. — Быстрее его, проворнее его нет лошади на свете!

— А ты что скажешь? — спросил царь бедного брата.

Бедняк сказал:

— Думаю я, что быстрее всего на свете мысль! А уж до чего она проворна, когда человек беден и ему есть хочется, даже сказать нельзя!

— Правильно! — сказал царь. — Теперь отгадывайте мою последнюю загадку: что милее и добрее всего на свете?

— Моя жена! — поторопился ответить богатый брат. — Она мне всё прощает за то, что я ей дорогие подарки делаю.

— А я думаю, — сказал бедный брат, — что милее и добрее всего на свете родимая матушка. Она и взрастит, и благословит, и всегда любить будет сына своего и дочку.

Удивился царь умным ответам бедняка и весь урожай присудил ему.

Ушёл богатый брат домой, а царь стал у бедного брата допытываться, сам ли он до таких ответов додумался или помог ему кто.

Признался бедняк, что дочь царские загадки отгадала. Захотелось царю испытать умную дочь бедняка. Дал он ему три варёных яйца и сказал:

— Снеси-ка их дочери своей, скажи — приказал, мол, царь из них трёх цыплят вывести!

Вернулся домой бедняк и рассказал всё дочери. И царский приказ ей передал. Тогда умная девушка три ложки каши взяла, на тарелочку положила и сказала отцу:

— Снеси вот царю, скажи, пусть он зёрна из этой каши посеет да урожай снимет на корм для тех цыплят, что я выводить буду.

По нраву пришлась догадливость красавицы царю, и захотелось ему ещё раз испытать её. Вот и велел он отнести ей три льняных волоконца, чтобы она из них ему полотенце соткала.

Взяла девушка волоконца, поглядела на них, отломил от веретена кусочек и попросила отца:

— Унеси ты царю этот кусочек веретёнца. Скажи, что, мол, дочь просила из него ткацкий станок сделать, а то не на чем ей своему царю полотенца ткать.

Загорелась душа у царя, захотелось ему на умную девушку посмотреть. Оседлал он коня и поехал к бедняку.

Подъезжает, видит — худая у бедняка избёнка, без сеней, дверь настежь, запирать-то нечего!

Царь, как был, на лошади, так, не слезая с коня, заглянул в избу и спросил:

— Есть ли дома кто?

А девушка в избе сидела, так она ему и ответила:

— Есть, есть: полтора человека и лошадиная голова!

Тогда царь спросил:

— Где твой отец?

А она ответила:

— Отец пошёл искать то, чего найти не хотел бы.

Ничего не понял царь из её ответов и спросил:

— А где матушка твоя?

Девушка ему сказала:

— Матушка пошла к соседке за тем, что никогда соседка не сможет сделать для неё.

— А брат у тебя есть? Куда ж он подевался? — спросил царь.

Девушка сказала:

— Брат за теплом уехал.

Царь видит, что девушка смыслёнее его, умнее, он с коня слез, ей поклонился и говорит:

— Объясни, красавица, что ты сказала! А то я загадки загадывать мастер, а вот по отгадкам, видно, с тобой сравниться не могу.

Улыбнулась девушка, видит — царь молодой, красивый, она ему и говорит:

— Мои загадки простые, проще не придумаешь. Отец невод чинить пошёл, ищет в нём дырки, а сам думает, чтобы их поменьше было. Мать пошла обряжать соседку, которая вчера померла, брат поехал в лес за дровами. А что в избе полтора человека было и лошадиная голова, так это я посмеялась, что ты, царь, в избу не вошёл, а только заглянул, да ещё с коня не слезая. Вот и получилось, что в избе одна я сидела, а твоя только половина была.

Засмеялся царь и сказал:

— Думал я, что умнее всех, да ошибся! Пойдёшь за меня замуж?

Не зря дочери бедняка царь молодым и красивым показался. Она подумала и сказала:

— Ты мне люб, вот я и согласна.

Они и поженились.

ЛИСА, СОРОКА И ВОРОНА

Свила сорока гнездо на дереве. Вывела птенцов. Пятеро их было у неё под крылом, мал мала меньше.

Подошла лиса к тому дереву, покружила, покружила, села и сидит. Ни на шаг не отходит.

Забеспокоилась сорока, спрашивает:

— Что ты, лисонька, моё дерево разглядываешь, да так пристально?

А лиса отвечает:

— Вот смотрю, не срубить ли его. Из такого дерева лыжи знатные выйдут!

Испугалась сорока:

— Что ты, сестрица! Здесь моё семейство живёт, птенчики махонькие.

А лиса ей отвечает:

— Лучше дерева для лыж не сыскать. Срублю его.

Сорока в слёзы.

Тут лиса и говорит ей:

— Ладно, пожалею тебя, не срублю дерево, коли дашь мне одного птенчика!

— Да разве можно! — говорит сорока.

А лиса отвечает:

— Сама выбирай: или одного съем, или дерево срублю — всех пятерых живыми не оставлю!

Что делать? Дала сорока одного птенца лисе. Съела та его и пошла прочь.

А на завтра снова приходит, кружит вокруг дерева, облизывается.

Сорока спрашивает её:

— Чего ты кругом ходишь облизываешься, моё дерево разглядываешь?

А лиса в ответ:

— Смотрю и думаю, до чего хорошие полозья для саней из этого дерева выйдут. Надо будет его срубить.

— Не руби, сестрица! — взмолилась сорока. — Здесь моё семейство живёт, мои птенчики махонькие!..

— Одного птенца дашь — оставлю дерево. А не дашь — и дерево срублю, и всех вас съем!

Заплакала сорока, слезами залилась горючими. Но что сделаешь, пришлось отдать птенчика.

Унесла его лиса. А в ту пору ворона мимо летела. Увидала, что сорока плачет.

— Чего это ты, кумушка, плачешь? — спрашивает ворона.

— Да как не плакать? — отвечает сорока. — Горе у меня горькое. Повадилась лиса проклятая ходить сюда. Всё грозит моё дерево срубить. Двоих птенцов уж отдала ей, чтобы семью свою уберечь, а она, гляди, на завтра опять заявится!..

Засмеялась ворона. Сказала:

— Глупая ты птица! Разве лисе под силу срубить дерево? У неё не только что топора, ножа и того нет. Ты её спроси: мол, чем рубить-то будешь? Она скажет: «Хвостом». А ты ответь: «Больно мягок хвост-то!»

На другой день лиса тут как тут. Пришла, кружит вокруг дерева.

Сорока спрашивает:

— Ты что, лиса, моё дерево осматриваешь, оглядываешь?

А лиса в ответ:

— Что ж мне его не осматривать, не оглядывать, коли выйдет из него топорище отменное! Вот возьму я да срублю дерево!

А сорока спрашивает:

— Чем же ты его, лиса, рубить будешь? Ни топора, ни ножа у тебя нет!

— А хвост на что? — сказала лиса. — Я дерево хвостом срублю!

Засмеялась сорока:

— Хвост, лиса, у тебя больно мягок!

Удивилась лиса:

— Вишь, какая ты, сорока, умная птица стала! Кто ж это тебя научил, надоумил?

— А ворона-кума научила, надоумила! — сказала сорока.

Задумалась лиса: как вороне отомстить?

И придумала. Забралась на пригорок, легла, лапки раскинула, лежит не шевелится, будто померла.

А ворона летела мимо, увидела её.

«Ну, — думает, — лисонька наша околела!»

И подошла совсем близко.

А лиса ждёт.

«Подойди, подойди, — думает, — я тебя поймаю!»

Подобралась ворона к ней, только в глаза лисе глянула, а та её и схватила.

— А-а, негодница, попалась! Это ты научила сороку дерзкому ответу! Это из-за тебя я её птенцов махоньких не съела! Теперь берегись, я тебя самое съем!

Видит ворона, плохо дело. Она и говорит:

— Твоя сила, лиса, поймала ты меня. Хочешь ешь, хочешь убивай, только прошу тебя, коли убивать будешь, не убивай меня так, как твоя бабушка мою бабушку убивала!

А лиса, известное дело, любопытная. Вот она и спрашивает:

— А как она её убила? Что-то я про то не слыхала!

— А вот так и убила! — сказала ворона. — Закатала в берёсту и спустила с крутой горы вниз, под гору. У бабушки моей, у бедняжечки, ни одной косточки целёхонькой не оста-

лось: что крылышки, что ноженьки, что головушка — всё переломалось! Так и померла, несчастная!..

Загорелись у лисы глаза. И сказала она:

— Могла бы я тебя съесть, да такой простой смерти ты, ворона, недостойна. Умрёшь ты смертью лютой, какой твоя бабушка умерла!

Закатала лиса ворону в берёсту и пустила вниз с крутой горы.

А ворона из берёсты выпорхнула и взлетела на дерево. Села она на ветку, хвостом повертела, прокричала:

— Эх, лиса-кума! Хватило у тебя ума меня поймать, а не хватило ума съесть!

Улетела ворона восвояси, пошла лиса прочь, и сказке на том конец.

ГОЛУБАЯ ВАЖЕНКА

Жили старик со старухой. Был у них сын, один-единственный. Настала пора, пришло время, привёл он в дом девушку, красивую, прилежную, молодую и сказал отцу с матерью:

— Благословите нас! Решили мы пожениться. Будет моя любимая вашей невесткой и моей женой!

Сказали ему родители:

— Что ж, детки, благословляем вас! Живите счастливо!

И жили они хорошо, мирно, дружно до тех самых пор, пока у молодой жены не родилась дочка.

И тут вот что приключилось.

Пошёл молодой муж искать няньку, а старушка мать и говорит ему:

— Смотри, сынок, не бери в няньки первую встречную. А уж коли сама набиваться будет, особенно остерегайся. Не ровён час — это сама колдунья Сювятар! Уж она случая не

пропустит людям зло причинить: погубит и жену молодую твою и ребёнка!

Выслушал мать-старушку молодой муж и пошёл. Долго ли шёл он по дороге, мало ли, навстречу ему Сювятар.

— Знаю, знаю, — говорит, — куда ты идёшь и зачем! Возьми меня в няньки!

А он в ответ:

— Куда иду, про то я сам знаю. А тебя, незваную, нипочём не возьму.

И пошёл дальше. А Сювятар побежала в лес, стороной, стороной и снова на дорогу, вперёд вышла и говорит:

— Знаю, знаю, куда идёшь! Возьми меня в няньки!

— Тебя ни за что не возьму! — говорит. — Ты сама просишься, а я найду получше!

И невдомёк ему, что это Сювятар.

Пошёл он по дороге дальше. А Сювятар не отступила: опять лесом забежала вперёд, глянула в придорожную лужу, увидала себя косматую, страшную. Обернулась Сювятар молодой, красивой, тихой. Вышла из-за поворота навстречу молодому мужу совсем другая, не узнаешь, не угадаешь её.

— Куда путь держишь, брат мой? — спрашивает, будто впервые его видит.

— Вот иду няньку искать, — говорит он, — для моей доченьки любимой.

— Ну, ищи, ищи, — говорит Сювятар.

А он думает: «Раз не просится, значит, хорошая, наверное!»

И говорит:

— Не пойдёшь ли ты, молодница, в няньки?

— Что ты, что ты! — говорит Сювятар. — И думать не думаю, не пойду.

Стал он её упрашивать. Обещал заплатить хорошо. Еле уговорил. Согласилась Сювятар. А он радуется: и няньку нанял и Сювятар обманул — всё хорошо сделал!

Привёл Сювятар в дом, а та как увидела молодую жену его с дочкой, что одна красивее другой, задрожала от зависти, от злобы и превратила молодую мать в олениху с голубой шерстью — в Голубую Важенку.

— Теперь иди в лес, — приказала Сювятар, — и на глаза мне не попадайся! А то сразу убью!

Что оставалось делать бедняжке? Заплакала она горько и ушла в лес.

Набрела она в лесу на оленьё стадо, пристала к нему и стала в нём жить. А Сювятар околдовала молодого мужа и его стариков родителей, и никто из них не подумал даже, что на постели рядом с маленькой девочкой лежит не её родная мать, а сама злодейка Сювятар.

Но вот чудо! Ребёнок-то плакал и день и ночь! Все дивуются: до чего спокойная, хорошая девочка была, а теперь не узнать — плачет и кричит, кричит и плачет! Отец просто голову потерял, старик и старуха с ног сбились: нет покоя от ребёнка, от девочки маленькой, и сама она чахнет.

В той деревне одна бедная старушка вдова жила. Вот однажды, когда старушка в лесу на пенёке сидела, свою козочку пасла, подошла к ней Голубая Важенка и спросила:

Плачет ли моя ласточка?

Стонет ли моя зоренька?

Печален ли любимый мой?

Как услышала старушка Голубой Важенки стоны, так сразу поняла всё и решила помочь ей от злых чар Сювятаровых освободиться. И рассказала, как малютка плачет день и ночь и как никто в доме не ведает, что злодейка Сювятар вместо неё ребёнка качает.

Услышала Важенка это и попросила добрую старушку:

— Принеси ты завтра мою малютку сюда, в лес. Умираю я с тоски по ней, а она, бедняжка, с голоду. Каждый день, поутру, приходит наше стадо к озеру. Пока остальные олени купаться будут, прибегу я сюда...

Вернулась старушка вечером в деревню, загнала козу на ночь, пошла к молодому мужу Голубой Важенки и сказала:

— День и ночь кричит и плачет твоя доченька. Дай ты мне малютку, я её в лес унесу. Там берёзы шумят, осины звенят, листочки у ольхи перешёптываются — дитя их послушает, успокоится. Олени там в озере купаются — дитя на них посмотрит, улыбнётся.

Раскричалась Сювятар:

— Ещё чего, ребенка в лес таскать! Гони старуху прочь!
А отец говорит:

— Пусть берёт. Может, и в самом деле дитя успокоится.
А то и оно мучается, и нам жизни нет!

Взяла старушка вдова поутру ребёнка и пошла в лес, на то самое место, где с Голубой Важенкой встретилась. Пришла, разожгла костёр и заговорила:

Важенка, голубушка,
Иди дитя своё кормить!
Спеши малютку поить!
Она у Сювятар не ест,
У злой ведьмы не пьёт,
Из рожка не сосёт!

Только проговорила так, а из лесу уж Голубая Важенка идёт сторожко, вздрагивает, по сторонам оглядывается: не увидел бы кто, не обидел бы ни её, ни дитя малое.

Подошла к костру, видит — кроме старушки вдовы и ребёнка, никого нет. Сбросила она тогда свою шкуру голубую и превратилась в женщину. Схватила ребёнка на руки, давай обнимать, целовать, ласкать.

А дочка её малая узнала: заулыбалась, загукала.

Целый день мать свою доченьку нянчила, кормила, баюкала, забавляла. А когда вечер пришёл, попросила старушку вдову и на завтра дочь принести. Накинула на себя голубую шкуру и убежала важенкой заколдованной в лес.

Пришла старушка вдова в деревню, принесла девочку в дом к родителям и отдала отцу. Сювятар и спрашивает:

— Ну, старая, чем ты тешила ребёнка? Почему девчонка весёлая, сытая?

А старушка отвечает:

— В лесу берёзы шумят, осины звенят, ольховые листочки перешёптываются. Дитя их слушало. Там олени в озере купались. Дитя на них смотрело — улыбалось. Вот и успокоилась, и молочка попила доченька.

На другой день опять принесла старушка вдова ребёнка в лес, к её матери.

Вечером, когда пришла пора расставаться, Голубая Важенка и говорит доброй вдове:

— Принеси ты завтра моё дитя бесценное ещё раз. Ведь больше я не увижу свою доченьку. Завтра уйдём мы из этих лесов за дальние моря. А уж оттуда не смогу я вернуться!

Обещала ей старая вдова исполнить последнюю её просьбу и пошла домой.

Вот пришла она домой, а отец ребёнка спрашивает:

— Чем же ты ребёнка так забавляешь, что он спит спокойно и есть не отказывается?

Оглянувшись вдова, видит — нет Сювятар в доме, и говорит:

— Как же доченьке твоей спокойной не быть, когда её родная мать кормила, баюкала! У тебя ведь под крышей проклятая Сювятар живёт, а настоящая жена твоя, злодейкой Сювятар заколдованная, важенкой по лесу бегают. А теперь вот что я тебе скажу: настал последний день, последний час, потом поздно будет. Завтра, как я пойду с ребёнком в лес, ты тайком от Сювятар иди за нами. Тогда вернёшь себе жену, а дочери — родную мать. Как придём мы в то место лесное, потаённое, где мы встречаемся, ты спрячься и не выходи, пока я тебе знак не подам. Ты выйдешь — схватишь шкуру её, Важенки, и в огонь бросишь. А по знаку другому схвати жену и держи: будет она вырываться, а ты не слушай её стонов, не смотри на её слёзы — держи, чтобы не убежала. Коли удержишь, всё будет хорошо. Не удержишь — не видать тебе её никогда!

В третий раз отправилась старушка вдова с ребёнком в лес. А отец тайком за ними. Вот пришли на место заветное, он и спрятался. А тут и Важенка Голубая пришла. Скинула свою шкуру, в женщину превратилась и дочку на руки подхватила — целует, плачет, радуется. Накормила, потом спать положила, баюкает. А старуха говорит:

— Дай я тебе волосы в последний раз расчешу.

Стала чесать и кашлянула тихонько. Муж вскочил и бросил оленью шкуру в костёр. Вспыхнула она и сгорела. А женщина спиной к костру была, вздрогнула и спрашивает у старушки:

— Что-то гарью пахнет! Не моя ли это шкура оленья голубая горит?

А старушка её успокоила:

— Что ты, милая, это волос твой в костёр попал, вот и почудилось тебе.

Тут она громче кашлянула. Тогда муж, не таясь, подбежал, схватил жену за руки.

Она заплакала:

— Погибла я теперь! Отпусти меня!

А он глаз с неё не сводит, рук не отпускает, крепко держит:

— А я тебя не отпущу. Довольно ты страдала. Пойдём домой, проклятую Сювятар прочь выгоним!

Взмолилась жена:

— Отпусти меня, отпусти! Ни в жизнь домой не пойду! Сювятар меня всё равно убьёт. Лучше весь свой век важенькой по прибрежным скалам бегать буду, чем по доброй воле соглашусь в руки к Сювятар попасть!

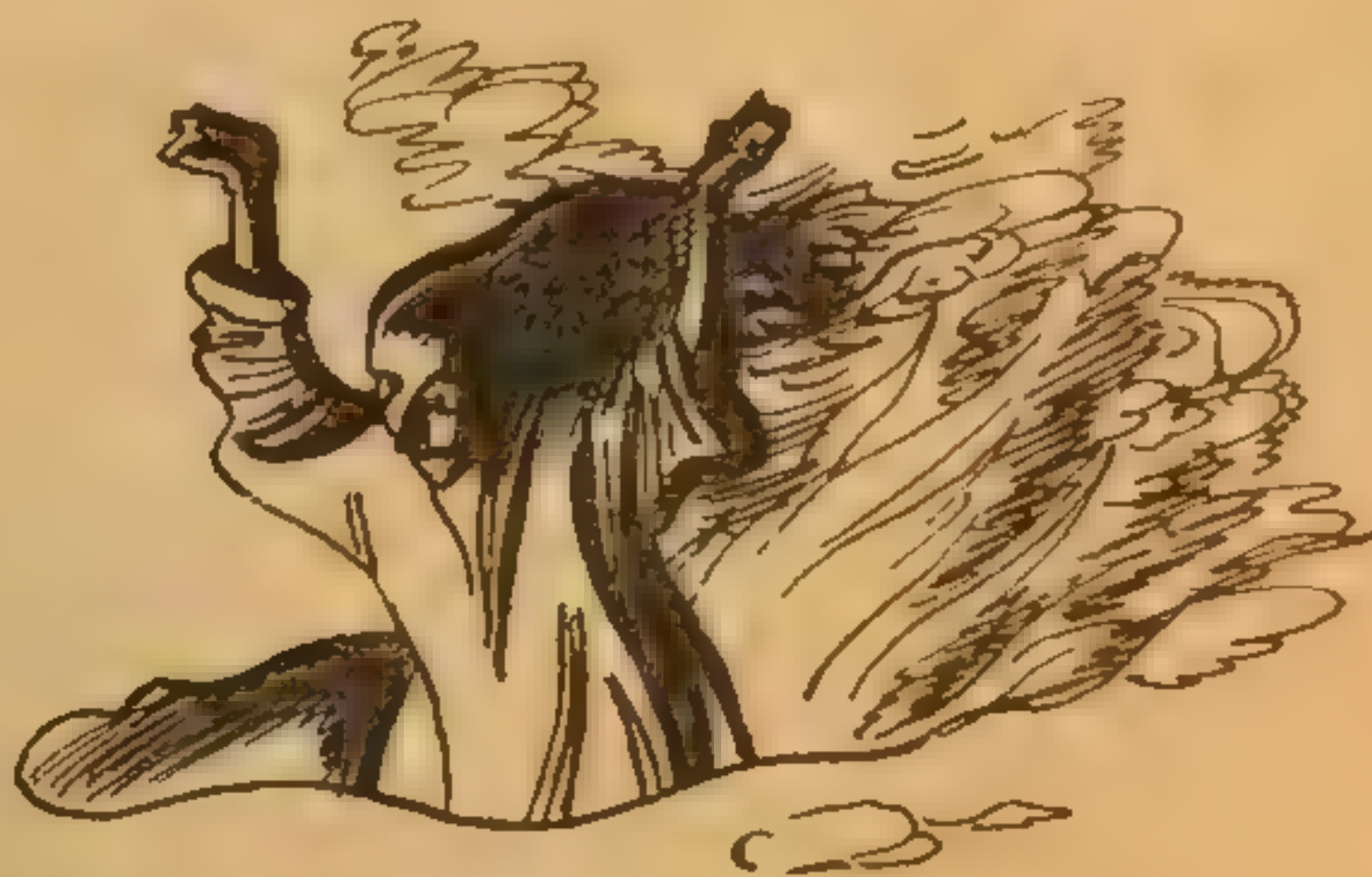
А муж её держит и говорит:

— Сювятар хитра, а мы тоже не глупы. Больше она никому зла не сделает. Обещаю тебе. Пойдём.

Пошли они домой. Жена с дочкой у старой вдовы пережидали, а муж вернулся, затопил баню и выкопал перед порогом глубокую яму... Наполнил ту яму смолой и зажёг. А чтобы огонь не видно было, красным сукном прикрыл, и до крыльца его расстелил.

Пошла Сювятар в баню, развеселилась. Идёт по красному сукну — гордится, хохочет. Шаг сделала, другой сделала и... провалилась в огненную яму. Взвился к небу чёрный смоляной столб, дымный, смрадный, — и нет на земле больше Сювятар. Сгорела злодейка.

А муж со своей женой и дочерью стали жить хорошо, мирно. Они по сей день живут и ещё завтра жить будут.

ТУХКИМУС

Жили когда-то бедный старик со старухой. Было у них три дочери. Старшие две, ленивые, гордые, строптивые, хвалились, что краше их на свете никого нет, младшая же красавица была, скромная, прилежная, любую работу исполняла быстро, тихо — никто и не замечал, как дело делалось, работа работалась.

Вот и заставляли её каждый раз ленивые сёстры всю чёрную работу исполнять. Да мало того, насмехались:

— Эй, Тухкимус, Золушка! Иди в грязи копаться! Эта работа по тебе, а не для нас, старших сестёр!

Однажды сказали чванливые сёстры отцу и матери:

— Живём мы бедно, а жить мы хотим богато. Отпустите нас, мы пойдём к царю в услужение!

Подумали, подумали старик со старухой и отпустили их.

Тухкимус тоже попросилась:

— Отпустите и меня, батюшка с матушкой. Уж очень хочется белый свет посмотреть!

А сёстры как закричат, как завопят, старикам и рот открыть не дали:

— Не нужно нам замарашки! Не возьмём её! Пусть сидит Тухкимус за печкой, в золе! Там ей и быть положено. А то смотри, к царскому двору захотелось! Да кто тебя пустит? Взащей прогонят! И самой там не бывать, и нас, красавиц, опозоришь!

Отправились строптивые сёстры в путь. Долго шли, коротко ли, но только встретили они корову. И была та корова не обыкновенная, а с подойником на рогах. Но сёстры на неё не посмотрели даже, хотели мимо пройти.

Корова сказала им:

— Сестрички-красавицы! Тяжело мне с молоком ходить. Вы меня подоите, молочка попейте!

Засмеялись сёстры:

— Глупая ты, корова, длинные рога! Станем мы из-за тебя руки пачкать! Мы три года чистились, наряжались, чтобы во дворец попасть, к царю в услужение, а не для того, чтобы с твоим подойником возиться!

И пошли дальше.

Шли, шли. Вдруг навстречу им баран. Да не простой, а с ножницами на рогах. Но они и не глянули на него. Тогда баран заблеял, заговорил:

— Сестрички-красавицы, добрые девушки! Пожалейте меня, летом в шубе хожу, жарко. Постригите вы мне шерсть. Сколько надо, себе возьмите, остальную мне оставьте.

Засмеялись сёстры, захихикали:

— Ах ты, глупый баран, медный лоб, завитые рога! Мы три года чистились, наряжались, чтобы к царю в услужение попасть. Неужто, думаешь, станем из-за тебя руки пачкать!

И пошли дальше своей дорогой.

Идут, идут, вдруг видят — на камне старичок сидит. Старый-престарый, дряхлый. Говорит им старичок:

— Помогите мне, доченьки! Одежда моя измызгалась — постирайте её! Волосы мои сбились — расчешите их. Сам я не в силах, стар стал.

Рассердились сёстры:

— Ишь чего захотел, старый дурень! Мы три года руки свои берегли, никакой работы не делали, к царю во дворец

собирались в услужение поступать, а тут с тобой возиться! Да ты хоть весь мхом зарости, нам всё одно!

И побежали дальше.

Пришли наконец упрямыцы к царскому дому. Зашли и говорят:

— Батюшка царь-государь! Не возьмёшь ли нас в услужение?

Царь их оглядел, поморгал и сказал:

— Как не взять таких чистеньких? Возьму и возьму!

И взял. Стали старшие дочери царю служить.

В те поры стали старик со старухой ещё хуже, ещё беднее жить. Силы-то у них убывали, а не прибавлялись! Вот и решила младшая дочка, Тухкимус, пойти работы поискать, хлебушка для стариков принасти. Отпросилась она у родителей, благословили они её, и отправилась Тухкимус в путь-дорогу. Идет себе потихонечку, а навстречу ей корова. Да не простая, с подойником на рогах.

И говорит ей корова:

— Остановись, красавица девушка! Посмотри, как тяжело мне с молоком ходить! Подой меня, душенька, а за труды молоко себе возьмёшь!

А Тухкимус говорит корове:

— Что ты, коровушка! Я и так подою, мне ведь не трудно, а тебе полегчает!

Подойла корову, а та её просит:

— Ты хоть молочка выпей!

Напилась Тухкимус молока, повесила корове на рога подойник и пошла. Немного прошла — навстречу ей баран. Копытцами стучит, ножницами бренчит:

— Девушка-красавица! — говорит. — Жарко мне! Парко мне! Летом в шубе хожу! Постриги ты меня, а шерсть за труды себе возьми!

Говорит ему Тухкимус:

— Славный ты, барашек, круглые рожки! Я и так тебя постригу!

Остригла Тухкимус барана и пошла дальше.

Шла, шла. Долог ли путь её был, короткий ли, только пришла она на то место, где возле дороги, на камне, старик сидел. Старый-престарый, дряхлый. Он сказал:

— Доченька, красавица, пожалей ты мою старость! Выстирай мою одежду, расчеши мне волосы. Обиходить-то меня некому!

Выстирала ему Тухкимус одежду в ручейке, расчесала волосы старику гребнем своим частым-частым.

— Ты добрая девушка, — сказал старик. — Ты и корову подсила и барана постригла! Добрая у тебя душа, золотые руки, сноровистые! За то дам я тебе в награду вот эту палку. Береги её, не потеряй. Иди всё прямо, прямо. И придёшь ты к царскому дому. Там тебя на службу возьмут. Служба не лёгкая, да тебе не страшная. Когда нужда придёт, знай: за царским домом, в лесу, есть большой камень. Ударь ты по нему этой палкой трижды крест-накрест, и будет у тебя всё, что ни пожелаешь. А теперь в добрый час, ступай!

Поблагодарила Тухкимус старика, попрощалась с ним, взяла палку и пошла дальше.

Пришла она к царскому дому, зашла в него и сказала царю:

— Батюшка царь-государь! Остались у меня дома родители, старые, слабые. Хочу я им на хлеб заработать. Не возьмёшь ли меня в услужение?

Оглядел её царь с головы до пят. Видит, одежонка на ней старая, потёртая. Руки у неё грубые, от работы почерневшие. И сказал царь:

— В служанки ты не годишься. Мы взяли розовых, чистеньких, а грязнуха только во дворце наследит, натопчет. Тебя если и возьму, так разве за свиньями ходить!

Стала Тухкимус свиней кормить, поить. Весь день и вечер в свинарнике не покладая рук работает, а ночь за печкой проводит, там ей место отвели.

А у царя сын был единственный. И такой красавец — равного по красоте в государстве молодца и не было. Ищи — не найдёшь!

С ног сбились царские министры, государевы советники — не найдут ему подходящей невесты. Какую ни приведут — хуже его: не пара!

Вот царь устроил пир.

— Всех, — говорит, — зовите! Такова моя царская воля: хочу сыну невесту сыскать!

Засмеялись чванливые сёстры: «Ах ты, грязнуля, сажей разукрашенная!
Да ты что, в своём ли уме!»

Наряжался царевич на пир. Кликнул слугам, чтоб в рукомойник воды налили, а старшие сёстры сами наряжались, каждая надежду имела царскому сыну понравиться.

Так они и приказали Тухкимус:

— Эй ты, золушка чумазая, свинарка грязная, поди налей воды в рукомойник царевичу!

Вышла Тухкимус из-за печки, отряхнула золу с платья, ведро взяла, понесла к царевичу.

А тот увидал её, чумазую, испугался даже, закричал:

— Что за чучело огородное! Неужто некому в царском доме воды принести?

Ничего не сказала в ответ Тухкимус. Дождалась, когда все на пир ушли, и пошла в лес. Ударила палкой, которую ей старик дал, три раза крест-накрест по камню, и перед ней появились три ушата. В первом ушате вода — умыться. Во втором ушате — одежда, вся в медных звёздах, как небо, в третьем — конь с медной сбруей, шерсть медью отливает.

Умылась Тухкимус из ушата, надела на себя платье, как звёздное небо, на медного коня села и поскакала на царский пир. Как увидел её царевич, так в лучшие комнаты повёл, весь день от неё не отходил, с ней одной танцевал, играл, её рук из своих не выпускал. А как время пришло прощаться, спросил:

— Из какого ты города заморского, сестра моя?

А Тухкимус отвечает:

— Из Чучелинска, что Огородском зовут!

Удивился царевич ответу девушки. Что-то не приходилось ему о таком городе слышать. Но не спросил больше ничего. Решил выследить, куда она с пира уезжать будет. А чтобы вернее было, кликнул царевич слуг и приказал им глаз с девушки не спускать. На случай, если она потихоньку бежать захочет, самому верному велел схватить её и к нему привести. Вот до чего царевич полюбил её!

Так и было. Вышла Тухкимус из царёва дома, а на неё со всех сторон царские слуги смотрят. Побежала она в сад, тут её верный слуга схватить хотел, да она выскользнула и убежала. А у него в руке один только чепец её остался.

Пришёл слуга к царевичу с чепцом, а Тухкимус уже к камню большому вернулась, сняла с себя платье звёздное,

коня отпустила, за печку вернулась, щёки золой измазала и сидит, тихая, смиренная.

Заявились гордые сёстры её, злые-презлые, что царевич на них внимания не обратил, а Тухкимус их и спрашивает:

— Расскажите, сестрички, что на пиру было?

Сёстры ей ответили:

— Эх ты, замарашка, ничего-то ты не видела, ничего-то ты не знаешь! Была там девушка неземной красоты! Царевич от неё без ума: на шаг не отходил, глаз с неё не спускал.

Тухкимус боялась, как бы её не узнали, потому и спросила:

— Послушайте, сестрички, уж не я ли там была?

Засмеялись чванливые сёстры:

— Ах ты, грязнуля, сажей разукрашенная! Да ты что, в своём ли уме?

На другой день у царя другой пир — больше прежнего, богаче вчерашнего. Ждёт царевич — может, красавица в медных одеждах на медном коне опять к нему в гости пожалует. Стал обряджаться, воды спросил в рукомойник.

Позвали сёстры Тухкимус:

— Иди, пугало огородное, воды в рукомойник царскому сыну налей! Не по нашим рукам дело это, а по твоим, мужицким, грубым!

Как вышла девушка из-за печки, в золе, в саже, так царёв сын даже вздрогнул:

— Ах ты, — говорит, — чумичка, страхолюдина! Неужто в царском дворце некому с человеческим лицом воды подать?

Ничего не сказала Тухкимус. Дождалась, когда все на пир ушли, и пошла в лес. Ударила палкой трижды крест-накрест по камню большому, и перед ней появились три ушата. В первом — умылась, из второго платье взяла — лунное, серебром светящееся, из третьего коня в серебряной сбруе, с шерстью серебристой вывела, вскочила на него — и во дворец!

А царевич у крыльца уж стоял. Увидел издали, навстречу побежал, рад-радёшенек! Целый день не отходил, глаз с неё не спускал.

Наконец осмелел, спрашивает:

— Сестра моя прекрасная, из какого города ты приехала-прибыла?

Говорит ему Тухкимус:

— Город мой известный — Чумичинском его зовут, Страхолюдском прозывают.

Задумался царёв сын, удивился: что-то о таких городах он и слыхом не слыхал!

Ничего не сказал царевич. А потом кликнул слугу, приказал ему у порога топором щель вырубить. Как стала Тухкимус из царёва дома выходить, так застрял у неё каблучок серебряный в той щели, и убежала она без туфельки.

Упорхнула птица, нет её.

Сложила лунное платье в первый ушат, отпустила коня и вернулась за печку, лицо золой и сажей вымазала.

Пришли старшие сёстры, шипят, ругаются:

— Опять царевич на нас и не глянул даже. Всё на красавицу свою глядел, насмотреться не мог!

А Тухкимус спрашивает:

— Уж не на меня ли та красавица похожа?

— Хо-хо-хо! — засмеялись сёстры. — Не с ума ли ты сошла, Тухкимус? Не смейся людей, помалкивай. Там красавица была лунная, а не девка презренная!

А царевич стонет, плачет: исчезла его любимая. Успокоиться не может. Видит царь — убивается его сын от любви, от горя. В третий раз пир устраивает.

Опять сёстры гордые с утра засобирались, наряжаться стали. Где там им воды в рукомойник налить, не до того было! Если в третий раз царёв сын их не приметит, значит, век им быть в услужении. Послали они за водой Тухкимус:

— Иди, говорят, мужичка! Нищенка! Да спасибо скажи, что за водой посылаем, — всё ж легче, чем в свинарнике рыться!

Увидел её царевич, в саже вымазанную, золой испачканную, вздрогнул:

— Люди добрые, — говорит, — неужто во дворце человека не найдётся, кроме запечницы такой, чтобы воды принести! — и в сердцах даже ремнём её стеганул.

Пошли сёстры старшие на пир, а Тухкимус велели дома, за печкой, сидеть. Только дверь за собой закрыли, каблуч-

ками по дорожке протопали, выбралась Тухкимус из-за печи — и в лес. Пришла к камню большому, ударила по нему трижды крест-накрест палкой, и появились перед ней три ушата. В первом она умылась, во втором оделась, из третьего коня вывела, вскочила на него и поскакала во дворец.

Стоит царёв сын у крыльца, не дожждётся любимой своей. А она уже скачет. Только глянул царевич — обомлел: едет ко дворцу красавица, платье на ней из чистого золота, конь под ней словно золото — золотой шерстью, золотой сбруей горит, сверкает.

Упал перед ней царевич на колени и говорит:

— Откуда ты, красавица нездешняя, небывалая?

А она отвечает:

— Я из города не дальнего, не близкого — Ремнём-битова!

Ничего не понял царевич. За ней шёл, глаз своих от красавицы не отрывал. Вот уже день прошёл и вечер кончается, а царевич ни жив ни мёртв, горюет, отцу жалуется:

— Батюшка царь-государь, пробьёт час, и опять исчезнет моя любимая! И тогда уж не найти её больше, не увидеть! Помоги мне, царь-отец!

Пожалел сына царь, приказал слуге ручку у дверей смолой вымазать. Как настало время Тухкимус за печь идти, пошла она из дворца, за ручку взялась, рукавичка-то золотая у неё к двери и пристала.

Едва утро настало, слуги царские указ объявили: всем, всем, всем девушкам-невестам во дворец явиться медный чепец, серебряную туфельку и рукавичку золотую примерять.

День проходит — меряют, никому не впору ни чепец, ни туфелька, ни рукавичка. Ни медная, ни серебряная, ни золотая. Другой день проходит, третий... Никому в государстве не подошли. Загрустил царевич, затосковал.

Тут старшие сёстры и решили царевича развеселить и тем царскую милость к себе вызвать. Прибежали к царю, наперебой говорят:

— Ваше величество, царь-государь! Мы способны царевича от безнадёжной любви излечить, утешить, развеселить так, что он смеяться будет!

Царь говорит:

— Он у меня сын единственный, я вас за то по-царски награжу. Та из вас, что ему приглянется, женой его станет, а другой половину царства отдам!

Побежали сёстры в избу, вытащили из-за печи Тухкимус, к царю потащили. А она идти не хочет, вырывается.

Тащат её сёстры, смеются, потешаются:

— Иди, красавица чумазая, пугало огородное, замарашка чумичная! Мы тебя во дворец ведём, царю показывать, царевичу в невесты сулить!

Привели Тухкимус во дворец. Как вошла она, так все с хохоту покатались. И даже царёв сын слёзы лить перестал, рассмеялся. Обидно стало Тухкимус, что и он над ней потешается. Не утерпела, заплакала. Всего одна только слеза по щеке её скатилась. Скатилась та слеза и смыла с лица её сажу.

Смотрит царевич — глазам своим не верит: щёки у Тухкимус розовые, нежные, прекрасные. Схватил он чепец, надел на неё, а он впору Тухкимус, для неё шит!

Примерили туфельку — с её ноги! И рукавичка ей одной по руке! И сказал царевич Тухкимус:

— Прости меня, красавица! Одежка-то одежкой, а ведь в ней — человек!

Взял её за руку, к царю и царице подвёл и говорит:

— Родители мои, батюшка с матушкой, вот мы перед вами: это я, а это невеста моя любимая, благословите нас!

Благословили родители молодых, они и поженились.

Сыграли свадьбу весёлую. А потом царевич царём стал, а Тухкимус — царицей. Стали они жить хорошо и в мире.

Вот и сказка вся — такой вот длины, такой красы.

ЛИСА, ВОЛК И МЕДВЕДЬ

Посеяли медведь, волк и лиса рожь. Уродилась она на славу. Сжали они рожь и свезли в ригу, просушили и давай молотить. Медведь и волк работают, а лисе лень, так она забралась на колосники и нет-нет, да и сбросит жёрдочку, на каких снопы сушатся, то волку, а то медведю на голову.

— Батюшки светы! — кричит волк. — У меня аж искры из глаз посыпались! Ты, кума, придерживай жерди-то!

И медведь ему вторит:

— На тебя одна надежда, кума лиса! Того и гляди, голова расколется!

А лиса в ответ:

— Уж я и так стараюсь!

А сама на них всё по жёрдочке сбрасывает.

Кончили медведь с волком молотить. Вышло три кучи:

в той, что поменьше, — рожь, в средней — мякина, а в бóльшей — солома. Стали урожай делить. А как его разделить, чтобы поровну было, не знают.

Лиса и говорит:

— Поделим так: меньшому — меньшую кучу, среднему — среднюю, а уж большому — большую!

Удивились медведь с волком: до чего правильно поделила лиса! Каждый свою долю взял. Достались: рожь — лисе, мякина — волку, солома — медведю.

Повезли они свой урожай на мельницу. Стали молотить. У лисы-то жёрнов от сухого зерна стучит, а у волка с медведем от мякины и соломы шуршит.

Они и спрашивают:

— Что это, кума лиса, у тебя жёрнов стучит, а у нас только шуршит?

А лиса отвечает:

— Как начала я молотить, так подсыпала песку, вот жернова у меня и постукивают.

А у самой-то сухое зерно в жерновах разговаривает.

Поверили ей медведь с волком, подсыпали в мякину и в солому песку, у них жернова и застучали.

Вот смололи они всё, домой поехали. Приехали, стали кашу варить. Варят, варят — у лисы каша почихивает, а у волка и медведя помалкивает.

Говорят медведь и волк:

— Что это наши каши разнятся? Дай-ка мы твоей попробуем!

Покуда волк и медведь за ложками ходили, лиса быстренько поверх их каши своей положила и говорит:

— Пробуйте, сколько душенька пожелает!

Медведь первым отведал, что за каша у лисы.

— Что твоя, то и моя! — говорит. — Что в лоб, что по лбу: одно и то же!

И волк удивился:

— Что твоя каша, то и моя!

И невдомёк им, что кашей-то они не своей полакомились! Но одно дело вкус, а другое дело — вид.

— Твоя каша белей, — говорят. — А наша чёрная совсем!

Надоели они лисе. Думает она: «Как бы от них отделаться?» И придумала.

— Эх вы, куманьки, — говорит, — неужто не видели, что я свой урожай после мельницы в проточной воде, в реченьке вымачивала! Оттого у меня и каша белая!

Взяли волк и медведь мякину и солому, на реку стащили, из мешков в воду высыпали. Что не утонуло, то течением унесло.

Сидят они на берегу: мешки порожние, животы пустые, ни урожая, ни мякины, ни соломы — ничего нет.

А лиса вдали сидит, кашу ест да приговаривает:

— Не будьте простофилями!

ПРИЛЕЖНАЯ И ЛЕНИВАЯ

Две сестры жили: одна прилежная, другая ленивая. Одна всякую работу делала охотно, споро, аккуратно, а другая что ни дай, кое-как... Вот и прозвали их: Прилежная и Ленивая.

Стирала однажды Прилежная бельё. Выстирала, стоит у проруби — полощет. Вдруг выскользнул валёк у неё из рук. Нагнулась Прилежная, хотела валёк поймать, да не удержалась и упала в воду. И что же? Видит она: под водой, по дну озера, идёт широкая дорога.

Огляделась Прилежная — нет нигде валька, пропал он. И пошла Прилежная сестра по дороге.

Шла, шла, глядь — возле самой дороги изба стоит. Вошла Прилежная в неё, а там на лавке сидит старая-престарая старуха. Поздоровалась с ней Прилежная почтительно, поклонилась.

Старуха и спрашивает:

— Откуда, доченька, идёшь?

— Из верхнего мира пришла я, бабушка! — ответила Прилежная.

— А за каким делом? — спросила старуха, та самая, которая старая-престарая была.

— Я бельё полоскала, — ответила Прилежная, — валёк в прорубь уронила, вот и пошла его искать.

— Ну что ж, — сказала старуха, — значит, за делом пришла, а не от безделья. Ты, поди, есть хочешь с дороги? Садись, накормлю.

Поела Прилежная, поблагодарила старуху, ту самую, что старая-престарая была, и попросила:

— Попала я, бабушка, к вам, в чужую сторону, как теперь жить буду? Может, дадите мне какую работу?

А старуха сказала:

— Что ж, работа у меня есть, прокормить чем тебя найдётся, и помощник мне нужен: стара стала. Да вот умеешь ли ты работу работать?

— Приходилось, — сказала Прилежная. — То одно, то другое, всякую работу делала, от неё не бегала. Может, и тебе, бабушка, по нраву придётся.

— Ну что ж, — сказала старуха ласково. — Коли ты к работе привычная, живи. А для начала поди хлев убери и коров обиходи.

Пошла Прилежная в хлев. Пол выскребла, соломки сухой постелила. Скребицей коров почистила, а ноги им и копытца до блеска вытерла. Пойла тёплого приготовила, напоила, накормила. Вернулась в избу и другой работы спросила.

— А ты посиди, отдохни маленько, — сказала старушка.

А сама в хлев пошла посмотреть, хорошо ли Прилежная с работой управилась.

Вошла, видит — в хлеву чисто. У коров спросила:

— Ну, коровушки, как вам новая работница понравилась?

А коровы отвечают:

— Такой работницы мы и не видавали! Своими руками нам копытца вычистила, вымыла. А пойла такого вкусного наварила — никогда не пили. И разговор у неё ласковый.

Вернулась старушка в избу довольная, тихая, сказала:

— С этой работой ты справилась хорошо, а как со второй управишься? Поди-ка баню затопи.

Пошла Прилежная, воды навосила, баню затопила. Вода

и согрелась. Прилежная полók вымыла, веник распарила. Пришла к хозяйке и говорит:

— Бабушка, бабушка! Готова банька, тёпленькая!

Взяла старушка, которая старая-престарая была, берестяной короб с ящерицами, Прилежной подала и сказала:

— Поди вымой!

Не обиделась девушка. Приняла короб с ящерицами, в баньку их отнесла, по одной выпарила, тёплой водой окатила, в коробку осторожненько сложила и отнесла в избу.

— Теперь что делать, бабушка? — спрашивает.

А старушка ей отвечает:

— Теперь погоди. Пойди у крылечка постой, подыши воздухом свежим.

Вышла Прилежная на крылечко, а старушка у ящериц спрашивает:

— Ну, хороша ли новая работница, понравилась вам?

А ящерицы из берестяного короба все разом и говорят:

— За всю нашу жизнь никто так хорошо нас не мыл! Всех по одной парила, мыла, а потом тёплой водичкой окатывала!

Позвала старушка Прилежную в избу и говорит:

— Вот тебе, доченька, две шкатулки. Бери. Можешь теперь домой вернуться. Работы другой у меня нет. А шкатулки тебе в награду за труды.

Попрощалась Прилежная со старушкой и пошла в обратный путь.

И опять открылась перед ней широкая дорога и привела её прямо к проруби.

Вышла Прилежная на бережок и пошла домой. Приходит со шкатулками, а Ленивая сестра спрашивает:

— Где была? Куда ходила? Что за шкатулки? Что в них?

Прилежная ей всё рассказала. И как бельё полоскала, как валёк уронила, как в воду угодила, по дороге шла, у бабушки старой-престарой работу делала. Раскрыла шкатулки, а в них — батюшки мои! — в одной — серебро, а в другой — чистое золото!

Завидно стало Ленивой. Захотелось и ей такие шкатулки получить. И пошла она бельё полоскать к той же проруби. Не стала времени терять, корзину с бельём на лёд поставила

и швырнула валёк в воду. И сама за ним следом. Только окунулась, смотрит — широкая дорога перед ней. И ведёт она к маленькому домику, что у самой дороги стоит.

Зашла Ленивая в избу, видит — старуха старая-престарая сидит. Не стала Ленивая времени терять. Села на лавку, ждёт, когда её хозяйка нанимать будет.

А старушка, которая старая-престарая была, спрашивает:

— Ты откуда, дитятко, пришла?

А Ленивая уж торопится, отвечает:

— Откуда, откуда! Не видишь, что ли? Из верхнего мира я! Пришла к тебе в работницы наниматься.

— Ну что ж, — говорит старушка, — это дело доброе. Работа у меня есть. Да и сама я стара стала: помощница мне нужна. А что ты, доченька, делать умешь?

— Да что хочешь, — отвечает Ленивая. — Я любую работу исполню. Что ни задашь, только заплатить не забудь хорошо!

— Я хоть и старая-престарая, — сказала старушка, — а пока ещё не забывала, всем платила! Ты вот что, милая, поди-ка хлев убери, вычисти.

Надулась Ленивая, словно пузырь. Подумать только: хлев убери! Если начало такое, что же дальше за работа будет? Уж не камни ли таскать старуха заставит!

Но не ослушалась, уж больно шкатулки получить хотелось.

Пошла в хлев, кое-как навоз поворошила, на коров покричала, вилами их в злобе прибила. О чистой солодке даже не подумала, не постелила, поила не дала. В избу вернулась, на лавку села, хозяйке сказала:

— Я всю работу сделала. Теперь посижу, отдохну!

А старушка ей говорит:

— Отдохни, доченька! А я пока схожу погляжу, как ты с работой справилась.

Только дверь в хлев открыла старушка, слышит: коровы мычат, от боли стонут.

Спрашивает у них старушка:

— Что это вы, коровушки, мычите? Или не понравилась вам работница новая? Может, не хороша она?

А коровы в ответ:

— Ещё ты нас спрашиваешь, хозяйюшка! Пришла, негодница, нас побила, навоз переворошила, грязь развела, корму не дала, только бранью осыпала! Вот какая твоя работница!

Вернулась старушка в избу и сказала Ленивой:

— Ну, поди, уж отдохнула ты. Теперь баню затопи.

Затопила Ленивая баню: два ведра воды принесла и те неполные. Невтерпёж ей ждать, пока баня протопится: скорее бы шкатулки получить и домой вернуться! Вот она и не стала ждать, когда дрова прогорят, угли накалятся. Залила головешки водой: дым пошёл кругом, а баня холодная.

Веник Ленивая не приготовила, полók не вымыла — мол, и так сойдёт. Вернулась в избу и говорит:

— Ну, бабка, готова твоя баня!

Дала старушка Ленивой берестяной короб с ящерицами и велела их вымыть хорошенько.

Рассердилась Ленивая, вся вспыхнула: подумать только, ящериц мыть! Да шкатулки из головы нейдут! Удержалась всё ж таки, схватила короб, побежала в баню, всех ящериц из короба в окорёнок разом вывалила, водой холодной окатила, палкой помешала и в короб обратно побросала.

Принесла короб, хозяйке подала.

— Вот, бабка, твои ящерицы! — говорит. — Вымыты уже!

А старушка спрашивает их:

— Хорошо ли вам, ящерицы, в баньке было? Жарко ли, парко?

А ящерицы все разом ей отвечают:

— И не спрашивай, бабушка! Холодной водой нас она леденила. Палкой, словно отруби, мешала, хвосты пообломала. А баня дымная, угарная была! — и сами в плачь, в слёзы.

Тогда старушка, которая старая-престарая была, и говорит Ленивой:

— Что ж, милая, больше у меня работы нет. Не нуждаюсь я в тебе. А за труды получи две шкатулки. Только смотри не открывай их, покуда в избе будешь. А снеси ты их в ригу, там и открой.

Обрадовалась Ленивая, схватила шкатулки, спасибо не сказала, не попрощалась, бегом из дому выскочила и побежала.

Привела её дорога к проруби. Выбралась она на берег и, не заходя в дом, чтобы Прилежная ничего не знала, богатств её не видела, напрямик в ригу. Залстела туда, шкатулки открыла, а из одной полилась смола, из другой огонь выскочил.

Загорелась рига, огнём зацвела, запылала. Едва Ленивая вон выбралась. Почернела вся от дыма, от смолы, и не узнаешь! Ходит теперь по земле грязная, злющая.

Такой на всю жизнь осталась!

ДЕВУШКА НА БЕЛОМ КОНЕ И ХРАБРЫЙ ЮНОША

Давным-давно это было. Жили старик со старухой. Пришло время, умерли старые, и остались у них три дочери и сын: брат и сёстры. Стали они вместе жить. Брат в лес на охоту ходил, а сёстры хозяйство вели, домовничали.

Вот пошли однажды девушки купаться на озеро. Вдруг, откуда ни возьмись, прилетел огромный орёл, спустился на землю, схватил старшую сестру и унёс.

Вернулся вечером юноша домой, а сёстры в плач, рассказывают, что, мол, старшую сестру орёл унёс.

Погоревали они, поплакали, да что поделаешь?

Вот прошло ещё столько-то времени. Юноша опять в лес отправился. На беду, тогда жаркий день выдался. Когда брат ушёл, захотелось сёстрам искупаться. Только они в воду зашли, вдруг опять, как тогда, откуда ни возьмись, прилетел орёл и унёс среднюю сестру.

Вернулась младшая домой одна-одинёшенька, плачет не наплачется, брата не дожждётся.

Вот пришёл брат, сестра ему и рассказывает:

— Беда, беда! Опять прилетал орёл и сестру среднюю унёс!

Прошло ещё времени ни много и ни мало, и ушёл юноша на охоту снова.

А сестра его самая младшая осталась дома одна. Вот осталась она одна дома и решила: «Пойду-ка я купаться на озеро!» И пошла.

И опять орёл прилетел и на этот раз унёс уж её.

Вернулся юноша из лесу. На дворе ночь. В доме пусто: нет любимой сестры — последнюю орёл унёс!

Пригорюнился юноша, затосковал. Один ведь он остался, одинёшенек. Думал он, думал и решил в путь-дорогу отправиться, сестёр своих любимых искать.

Вывел лошадь, оседлал, вскочил на неё и поехал.

Долго он ехал. Вечер уже настал. И приехал он к морскому заливу.

Пустил он лошадь в зелёное поле пастись, а сам у большого камня решил заночевать.

Вдруг море всколыхнулось, вспенилось. Поднялось в другой раз и в третий. Вздудось море, взбугрилось, и развалились на обе стороны волны, одна налево, другая направо, и вот из волн на белом коне выехала девушка необыкновенной красоты.

Выехала она на берег и сразу поймала и убила лошадь юноши. Потом стала она его самого искать.

А он за большим камнем спрятался. С неё глаз не сводит, глядит на её красоту как зачарованный, а сам таится, не шелохнётся.

Объехала девушка поле трижды. Не нашла юноши. Разгневалась, ударила своего коня в бока и ускакала в море. А оно над ней опять волнами взбугрилось, сомкнулось и гладью разлилось.

Что делать? Пешком отправился юноша дальше.

Шёл, шёл — целый день шёл, до самого до вечера. И вечером видит — в лесу между деревьями звездочка горит, мерцает, светится.

Ближе подошёл, смотрит — дом не дом, город не город... Ещё ближе подошёл, видит — стоит большая изба. Дико-

винная, медная. А дверей в ней нет. И как зайти в ту медную избу, юноша не знает.

Сел он под окном, решил отдохнуть. Вдруг над ним окошко распахнулось, и из него выглянула — кто бы мог подумать! — родная сестра его выглянула. Поглядела на него и говорит:

— Братец, братец мой любимый! Почему ты в избу не заходишь?

А юноша ей отвечает:

— Как же я, сестрица моя любезная, к тебе войду, если в доме твоём дверей нет!

Сестра ему и говорит:

— И верно, братец! А я удивляюсь, что это ты на дворе сидишь!

Взяла полотенце, из окна ему один конец подала, а другой к подоконнику привязала. Юноша и взобрался по нему в избу. Тут сестра давай его угощать: накормила, напоила, а потом и спохватилась:

— Не ровён час, хозяин мой вернётся. Дай-ка я тебя спрячу!

Превратила она брата в иголку, воткнула её в стену:

— Не бойся, братик. Всё хорошо будет.

Вдруг шелест раздался, шум, ветер подул, и в окно влетел орёл. Влетел — в избу вошёл. Вот оно почему дверей в медной избе не было: они орлу ни к чему, и окошка достаточно!

Влетел-вошёл орёл и говорит:

— Ху-ху-ху! Слышу, чую — человеком тут пахнет!

Жена ему отвечает:

— Что ты, муженёк мой! Никто тут не был, никто не заходил. Это я причёсывалась, выпавший волос сожгла, оттого и запах, вроде палёный.

Накормила она мужа, напоила и говорит:

— Что бы ты, муженёк, сказал, коли бы брат мой ко мне наведалься?

Орёл отвечает:

— Как гостя бы его встретил, брата твоего.

Тут юноша спрыгнул на пол со стены, где иголкой воткнут был, обернулся человеком и сказал:

— Вот я перед тобой. Что хочешь, то со мной и делай!
Понравился он орлу: смелый, прямой. Поздоровался с ним орёл, беседу завёл, как с другом.

Юноша его и спрашивает:

— Ты, орёл, высоко летаешь, всё видишь, всё знаешь. Научи ты меня, как найти ту красавицу на белом коне, что из моря выходит! Где живёт она и каков путь к её дому? Не могу я забыть её красоты, не успокоюсь, пока не увижу её.

Ответил ему орёл:

— Знать-то я знаю, где живёт красавица, а вот сказать не могу. Иди к другой сестре своей. Её муж лучше меня знает дорогу к твоей избраннице. Он и совет даст, коли захочет. Но оставь ты мне свой нож. Коли попадёшь в беду, он сразу заржавеет. Я увижу — тебе помогу. А дом сестры твоей недалеко: один день пути.

Пошёл юноша дальше. Шёл он, шёл, целый день шёл, до самого до вечера. Видит — светится звёздочка между ветвями. Подошёл ближе — не звёздочка, а огонёк в окне.

Стоит серебряная изба, вся блестит, сияет.

Обошёл вокруг неё юноша: нет в ней ни дверей, ни дверочки. Сел под окном. Вдруг оно распахнулось, его сестра из окна выглянула и говорит:

— Братик мой любимый, что ж ты в избу не зайдёшь?

А он ей отвечает:

— Как же мне в избу зайти, коли нет в ней ни дверей, ни даже малой дверочки?

Тогда сбросила ему сестра в окно конец полотенца, и по нему поднялся он в избу. Накормила его, напоила, обо всём расспросила и говорит:

— Скоро мой муж домой вернётся. Дай-ка я тебя спрячу иголкой в стене. Я с мужем поговорю. Если услышишь, что он согласится тебя, как родного, принять, покажись, а если разгневается — не выходи!

Прилетел хозяин-орёл, на окошке посидел, огляделся и в избу вошёл. Сказал:

— Ху-ху-ху! Слышу, слышу, человеком тут пахнет! Кто здесь был? Кто спрятался?

А жена его отвечает:

— Что ты, что ты! Никто не был, никто не прятался! Это

я голову чесала, один волос сожгла, вот и пахнет в избе палёным.

Потом мужа накормила, напоила и говорит:

— Что бы ты, муженёк, сказал, коли бы брат мой ко мне наведался?

Орёл ей ответил:

— Как гостя бы его встретил, брата твоего!

Тут юноша спрыгнул на пол со стены, где иголкой воткнул был, обернулся человеком и сказал:

— Вот я перед тобой! Что хочешь, то со мной и делай!

Орёл его обнял, как родного, расспрашивать стал. Он и рассказал орлу всё: как добрался сюда, что в пути видел. И стал просить, чтобы тот научил его красавицу на белом коне найти.

Орёл сказал:

— Высоко я летаю и знаю всё, но третий зять тебе лучше посоветует. Отправляйся-ка ты к нему. Через день на месте будешь. А мне оставь свой пояс. Если приключится с тобой беда, на нём кровь выступит. Как увижу я, тут же на помощь к тебе приду.

Поутру отправился юноша к третьей сестре. Целый день шёл, до самого вечера. Шёл, шёл, вдруг смотрит — в лесу меж ветвей звёздочка мерцает. Подошёл ближе — не звёздочка это, а огонёк в окне. Подошёл ещё ближе, видит — стоит золотая изба: огнём горит, ярким солнышком светится.

Стал искать юноша дверь — нигде не найдёт. Кругом обошёл — нет двери. Как в избу войти? Сел под окошком, а оно распахнулось, и из него сестра выглянула:

— Братец, братец, что ж ты на дворе сидишь, а в избу не заходишь?

Он ей отвечает:

— Я бы зашёл, да двери не найду.

Тогда сестра ему полотенце одним концом подала, подняла брата в избу. Накормила, напоила, стала расспрашивать. А потом говорит:

— Скоро муж вернётся. Надо тебя спрятать.

Превратила брата в иголку и в бревенчатую стену воткнула. В тот же миг прилетел её муж-орёл. На окне посидел, поозирался, а потом и говорит:

— Ху-ху-ху! Что это в доме моём человеком пахнет! Кто здесь был, кто спрятался?

А жена ему отвечает:

— Что ты, что ты! Никто тут не был, никто не прятался. Я голову чесала, один волос выпал, я его сожгла, вот палёным и пахнет.

Накормила мужа, напоила, а потом и спрашивает:

— Что бы ты, муженёк, сказал, коли бы брат мой ко мне в гости наведалься?

Орёл ей отвечает:

— Как гостя бы его встретил, брата твоего!

Тут юноша спрыгнул на пол со стены, где иголкой спрятался, обернулся человеком и сказал:

— Вот я перед тобой! Что хочешь, то со мной и делай!

Орёл его обнял, как родного, расспрашивать стал. Он и рассказал ему всё: как добрался сюда, что в пути видел. И стал просить:

— Помоги ты мне, зять-орёл, красавицу на белом коне разыскать. Нет мне жизни без неё. Видел её один раз, а забыть не могу!

Тогда орёл сказал ему:

— Дам я тебе клубок ниток синих, и охотничий рог, и лопату. Отправишься ты в путь, а клубок впереди тебя покажется. Ты и иди за ним. До тех пор иди, пока клубок не остановится. Там вырой яму: для того тебе лопата пригодится. Вырой глубокую, чтобы, когда спрячешься, никто тебя в ней заметить не мог. Хорошенько спрячься и тогда только трижды протруби: для того тебе рог пригодится. В первый раз протрубишь — топот коня услышишь. Знай: едет красавица на белом коне тебя искать. Но ты затаись, себя не выдавай, если живым быть хочешь. Дождись, когда снова тишина наступит, тогда протруби во второй раз. Она снова тебя искать начнёт, а ты не показывайся. Снова дождись, пока тишина не настанет, тогда вылезай из ямы и снова иди за клубком: он тебе дорогу укажет. Приведёт он тебя к большой избе. Её он тебе дорогу укажет. Иди на конюшню, где белый конь это изба, там она живёт. Иди на конюшню, где белый конь стоит. Ты с ним разговор заведи, он тебе ответит. Этот конь — не конь, человек он заколдованный. Спроси его, как к красавице подойти и живым остаться. Он тебе ответит.

А мне гребень свой оставь: если слёзы из него потекут, буду я знать, что случилась с тобой беда, — прилечу тебе на подмогу.

Взял юноша клубок ниток синих, лопату и рог да и пустился в путь.

Привёл его клубок на берег моря. Взбугрились волны, поднялись и развалились на обе стороны, одни направо, другие налево. И открылась перед юношей прямая дорога. Пошёл он по этой дороге и пришёл за клубком на остров. Там клубок остановился. Вырыл юноша яму, спрятался в ней. А как спрятался, протрубил в рог в первый раз. И раздался топот: это красавица скакала на белом коне, искала юношу и его волшебный рог.

Дождался он, когда кругом затихло, и затрубил снова. Заржал конь, копытами по земле затопотал. Ещё скорее помчалась красавица искать юношу.

А он затаился, ждёт, когда кругом всё стихнет. Дождался наконец и затрубил в третий раз. Земля задрожала от конского топота, как ветер пронеслась красавица на белом коне. Искала, искала, никого не нашла. Повернула назад, подъехала к дому, хлестнула коня плетью, загнала на конюшню, а сама в избу ушла.

Тут юноша выбрался из ямы, подошёл к белому коню и заговорил с ним.

— Белый конь, — сказал юноша, — как к твоей хозяйке подойти и живым остаться?

Конь и ответил ему:

— Рассердилась она, что не мог я тебя найти. Со злости устала и уснула крепко. Ты не бойся, иди в избу смело: она в самой последней комнате спит. Как войдёшь туда, увидишь в изголовье у неё меч лежит. Возьми этот меч и пронзи ей сердце. Что потом будет, того не бойся, а когда она обернётся топорищем, веретеном, скалкой, ты тут же их ломай. Тогда-то вот она и станет прекрасной доброй девушкой. Этой довериться можешь.

Не стал юноша медлить — вошёл в комнату, где красавица спала, взял меч, что у её изголовья лежал, и пронзил ей сердце. И тогда поползли из груди её рассечённой змеи и пауки. Он их всех мечом разил.

Только отдышался, пот со лба вытер, обернулась красавица топориком. Он его схватил — пополам переломил.

Она превратилась в скалку, он и её перебил, а веретено, как тонкую веточку, на две равные половинки разломал.

Тут небывалое произошло: встала перед ним девушка — краше на свете нет, добрая, ласковая. Ещё бы — всё зло из неё вышло.

Она сказала:

— Спасибо тебе, храбрый юноша, спас ты меня! Мой отец, царь заморской страны, меня проклял и сердце моё злобой и ненавистью наполнил. А теперь ты меня от колдовских чар освободил.

Полюбили юноша и девушка друг друга, поженились и стали вместе на острове жить, хорошо, счастливо. Но, пока добрым людям жизнь мила, злодею покоя нет: как бы беду привести, со свету их сжить.

Так и тут случилось. Пошёл муж на охоту и сказал своей красавице жене:

— Дай ты мне на дорогу свой один волосок. Как нападёт на меня тоска, я им полюбуюсь, мне и полегчает.

А у неё такие волосы были чудесные, что в каждом волоске, словно в зеркале, лицо её прекрасное отражалось!

Она и говорит:

— Муж мой дорогой, бесценный, я бы подарила тебе волосок, да боюсь, стрясётся беда — ты его потеряешь!

— Не бойся, — говорит муж, — я его беречь буду. Дала ему жена волосок, и отправился муж в лес на охоту.

Ходил, ходил, зверей выслеживал. Соскучился по жене, достал волосок. Вдруг, откуда ни возмись, налетел ветер, вихрем пронёсся и унёс волосок. Занесло тем временем волосок на берег, где стоял дворец царя, отца красавицы. Пришли царские служанки за водой, увидели волосок, царю отнесли.

Только глянул на него злодей царь — и увидел дочь свою, задумчивую, прекрасную, отражение её.

Удивился царь. Считал он, что она давно умерла, а по-ди ж ты, она как живая на него смотрит!

Вернулся муж с охоты и сказал жене:

— Беда случилась — твой волосок у меня лихим ветром унесло.

Жена ему отвечает:

— Так и думала я! А теперь жалеть поздно.

В другой раз поехал муж на охоту и, как прежде, попросил волосок на дорогу.

Жена застонала:

— Ах, мой муж дорогой, боюсь я, потеряешь его и не миновать нам беды!

Но пожалела мужа и подарила ему на дорогу чудесный волосок.

Как затосковал муж по своей красавице жене, так и достал её волосок. Поднялся тут в лесу лихой ветер, налетел вихрем и унёс тот волосок как раз на берег, где дворец злодея царя стоял, отца красавицы.

Пришли служанки за водой, нашли волосок, отнесли царю, он глянул и обомлел: коли второй волосок нашёлся, значит жива его дочь-красавица. Царь и стал всех спрашивать, не знает ли кто, где его дочь живёт, в чьей избе скрывается.

Явилась к нему злодейка Сювятар и говорит:

— Верну я тебе дочь. Прикажи только сделать мне серебряную ладью с золотыми вёслами. А когда вернусь — сказать не берусь. Только уж тогда мы вместе с ней расправимся!

Приказал царь сделать серебряную лодку с золотыми вёслами для Сювятар, и поплыла она в лодочке той к острову, где царская дочь-красавица со своим мужем храбрым жила. Подплыла лодка к берегу, вылезла Сювятар на землю, пошла к дому, постучалась и говорит молодой хозяйке:

— Возьми ты меня, старуху одинокую, к себе. Буду я по хозяйству помогать, домовничать. Чем одной сидеть, пока муж на охоте, мы с тобой вдвоём время коротать будем.

Вот и говорит жена мужу:

— Давай возьмём старушку, вдвоём всё веселее мне будет, и ей забота не в тягость.

Взяли они старушку, пригрели, приголубили, стали вместе жить.

Пришёл однажды муж с охоты усталый, отужинал и спать лёг. А Сювятар незаметно ему иголку в одежду воткнула: пока её не вытащишь, будет спать человек и силы нет никакой, чтобы разбудить его.

Увидела молодая жена тот берег и дворец царский, заплакала, закричала.
Но там уже лодку заметили, навстречу выехали.

Утро пришло. Встала жена, а муж спит. День пришёл, а он спит. Стала она его будить, он не просыпается. Уж звала, звала, за плечи поднимала, а он спит не просыпается.

Испугалась жена, а Сювятар говорит:

— Пускай себе выспится. Знать, устал очень. А мы, чтобы не мешать ему, поедem в лодке покатаемcя: она у меня серебряная, с золотыми вёслами!

Пошли они на берег, лодку в воду столкнули и поплыли. Сювятар на вёслах сидит, гребёт, хохочет, а красавица жена легла на дно лодки и глядит, как облака по голубому небу бегут.

И не заметила, как время прошло. Когда поднялась, глянула, а берега-то не видно! И дома нет, и острова нет. Одно море кругом!

Испугалась красавица, просит Сювятар:

— Бабушка, бабушка, страшно мне что-то! Поплывём скорее назад!

А Сювятар гребёт, радуется, хохочет.

— Что ты, — говорит, — красавица, тревожишься напрасно? Тут так хорошо! И совсем мы не далеко уплыли. Отсюда рукой подать залив есть — такого ты и не видывала!

А сама к царскому берегу гребёт, выгребает.

Увидела молодая жена тот берег и дворец царский, заплакала, закричала. Но там уже лодку заметили, навстречу выехали.

Привели красавицу к царю, а тот молчит, усмехается.

Приказал царь большой пир начать. Послал за царевичем соседним — насильно свою дочь замуж выдать решил.

Дочь плачет, убивается, ничего поделать не может.

А тем временем видит первый зять-орёл — нож его шурина весь ржавчиной покрылся. Другой зять-орёл на пояске кровавое пятно заметил. А у третьего зятя-орла неожиданно из гребня слёзы полились... Взлетели орлы в небо, полетели к своему шурина на выручку.

Опустились на остров, в дом вошли. Смотрят — лежит их шурина словно мёртвый, только румянец на щеках играет. Спит.

Догадались орлы, что это Сювятар его усыпила, нашли

иголку сонную, выдернули её из одежды, шурин и вскочил на ноги.

— Охо-хо! — говорит. — И долго же я спал!

— Всю бы жизнь проспал ты, молодец, — сказали орлы. — А теперь разговаривать некогда. Полетим скорее твою жену из беды выручать!

Сел храбрый муж на спину старшему орлу, и полетели они в дальние края, в соседнее царство. Поспели вовремя: прямо на свадебный пир угодили.

Схватил другой орёл красавицу жену и взвился с ней в небо.

А злодейка Сювятар за ними погналась. Тут её третий орёл в темя клюнул. И полетела она из-под облаков прямо на землю.

Летела, летела, в трубу угодила, на горячие уголья в печи упала.

Угли разлетелись и сожгли весь дворец царский, в нём и царь и Сювятар-злодейка сгорели.

Туда им и дорога.

А храбрый муж со своей молодой красавицей женой на остров вернулись и зажили счастливо.

КОТ МУЙЛОВИЧ АРТАМОНОВИЧ

У старика и старухи жил кот. Сколько лет жил, не проказил, хороший был, услужливый, ласковый коток. Погнался он как-то за мышью, столкнул горшок со сметаной со стола, разбил вдребезги. Рассердилась старуха на кота и говорит старику:

— Давай убьём его! Больно он плохой!

Старик кота пожалел.

— Жалко убивать, — говорит. — Отведу-ка я его лучше в лес.

Сунул кота в мешок и унёс далеко-далеко, в самый глухой лес. Там и оставил.

Идёт кот по лесу, а кругом — страх-то какой! — чужое: трава шелестит, валежник шуршит, листья перешёптываются. Всё чужое, незнакомое. И птицы кричат.

Вдруг смотрит — ему навстречу лиса. Испугался кот, шерсть дыбом, хвост трубой, глаза сверкают. А лиса увидела кота — остановилась, от страха замерла. Что делать, не знает. Никак не поймёт, что это за зверь диковинный!

Поздоровались. Лиса и говорит:

— Кто ты такой, неизвестный богатырь? Не хочешь ли моим мужем быть? Мы тогда вместе жить станем.

Увидал кот, что лиса испугалась, осмелел.

— Я, — говорит, — страшный богатырь, и зовут меня Кот Муйлович Артамонович. Я теперь кем угодно быть согласный, лишь бы кормили. Женюсь на тебе.

— Ну, вот и хорошо! — говорит лиса. — Беру я тебя в мужья!

Пошли они вместе. Кот Муйлович Артамонович впереди шагает, лиса за ним семенит, хвостом след замечает.

Привела лиса кота в свою нору и стала ему туда пищу носить.

Повстречала однажды она волка.

— Теперь, — говорит, — вам, волкам, не обидеть меня! Есть у меня теперь муж!

— Кто же твой муж? — спрашивает волк.

— Сам Кот Муйлович Артамонович муж мой! — говорит лиса. — Когда попадётеесь ему в лапы, так попомните его! Отольются вам мои слёзки, пожалеете, что меня обижали!

Призадумался волк. Ещё бы: завёлся у лисы муж, Кот Муйлович, да мало того — ещё Артамонович!

Пошёл волк к медведю:

— Худо наше дело волчье, — говорит. — Встретил я лису, уж она меня страшала: «Попадётеесь, говорит, моему мужу, так вспомните, как меня обижали!»

Стали медведь с волком думать, как им теперь быть, как им теперь в одном лесу с лисой и её мужем жить. И решили: надобно их в гости позвать, угостить хорошенько да за столом поглядеть, кто он таков, муж этот.

Сказано — сделано. Только вот чем угощать?

Пошли за советом ко льву.

Лев говорит:

— Убьём корову и позовём их в гости. Посмотрим, что за муж у нашей лисы, узнаем, каков он собой!

Так и сделали. Корову убили, шкуру с неё сняли, и отправился волк к лисе, в гости её с мужем звать.

Пока шёл волк по лесу, помнил, как кота звать-величать,

а как к норе подошёл — забыл. Постучал он в дверь и говорит:

— Лиса Захаровна! Приходи к нам в гости с мужем своим!

А лиса как выскочит, как зальётся:

— Ах ты, невежа большеротый! Да знаешь ли ты, как моего мужа звать-величать должен! А ты, такой-сякой, даже имени его не произнёс! — И давай по-всякому волка ругать, обзывать. — Вот, — говорит, — расскажу я мужу, как ты о нём непочтительно говоришь, тогда узнаешь на своей шкуре его силу! Запомнишь ты Кота Муйловича Артамоновича!

Побежал волк домой. Еле жив от страха вернулся. Медведь и лев его спрашивают:

— Ну, придут или нет?

А волк:

— Какое там! Забыл я, на беду, имя его, как звать его, величать. Так лиса меня и большеротым и по-другому по-всякому обругала! Побежала в нору жаловаться. «Погоди, говорит, скажу про тебя Коту Муйловичу Артамоновичу, он тебе на спине уважение подобающее пропишет!» Я еле ноги унёс!

Медведь говорит:

— Где тебе, волку, со знатным Котом Муйловичем Артамоновичем говорить! Я сам звать пойду.

И пошёл.

Вот подходит он к лисьей норе и от страха забыл, как кота зовут-величают. А лиса уж тут как тут!

— Ах, — говорит медведь, — Лисица Захаровна, приходите к нам в гости...

Лиса его слушать не стала, завопила на весь лес:

— Неуч ты бесстыжий, широколобый, косолапый, бесхвостый! — И давай медведя костить, ругать. — Ты что, не знаешь, как моего мужа звать-величать? Вот скажу я ему, так узнаешь его силу, попомнишь, коли жив останешься!

Полезла лиса в нору, а медведь бежать пустился.

Прибежал, лев его и спрашивает:

— Ну, теперь-то придут?

А медведь стонет:

— И не говори! На беду, забыл я, как её мужа звать-величать. Обозвала она меня по-всякому и побежала в нору жаловаться. Я еле ноги унёс.

Лев говорит:

— Погодите, братцы, нешто не царь я? А коли так; сам пойду! Пусть попробуют мне отказать!

И пошёл. Подошёл он к норе и говорит:

— Здравствуй, почтенный Кот Муйлович, да мало того — ещё и Артамонович! Приходите к нам, с супругой вашей, Лисицей Захаровной, в гости!

А лиса уж тут как тут. Выскочила и говорит:

— Вот это дело другое: честь по чести зовут. Придём, обязательно придём.

Вернулся лев, медведь и волк его спрашивают:

— Ну как, придут?

— Ещё бы! — говорит лев. — Чай, я сам приглашал!.. Только вот что: давайте спрячемся, а то кто его знает, что за муж у лисы!

Так и сделали: медведь на дерево залез, волк за пригорком залёг, а лев под коровьей тушей спрятался.

Вот идут гости: лиса впереди семенит, кот за ней следом, спину выгибает, шерсть распушил, хвост трубой.

Подошли к корове. Лиса тут же за копыта взялась, грызёт их, а кот вспрыгнул на спину корове, почуял мясо, глазами зацвыркал, замаяукал:

— Мяу! Мяу!

А лев под тушей задрожал:

— Вот это зверь! Прямо так и кричит, мол: «Мало, мало!» Ему целой коровы мало! Так он, поди, и до меня доберётся и заодно съест!

Задрожал лев, затрясся, хвостом со страху шевельнул. А кот решил — мышь это, — да как бросится ловить хвост его! Лев выскочил, и в лес! А кот с перепугу на дерево полез.

А там медведь сидел.

Испугался медведь:

— Батюшки, уж до меня добирается!

Бухнулся медведь с дерева прямо на землю, аж искры из глаз посыпались и земля задрожала. И напрямик в лес бежать.

А кот увидал медведя, со страху, сам не зная, не ведая, что творит, к пригорку стрелой помчался.

А там волк:

— Батюшки светы! Мало ему льва и медведя, так теперь за мной гонится! — И что было сил через поле в другой лес.

А лиса кричит:

— Кот Артамонович! Наша взяла! Иди обратно!

Вернулся кот к лисе. Сели они, огляделись:

— Тут и обед, и ужин, и на завтрак хватит! И домой унесём!

А лев, медведь и волк так напугались, что с тех пор в этих местах их никто не видел.

ПТИЧКА-НЕВЕЛИЧКА, КРАСНЫЕ ПЁРЫШКИ, ЗОЛОТОЙ НОСОК

Давным-давно жили старик со старухой. Детей у них не было, не было радости. Пошёл однажды старик в лес за дровами. Выбрал дерево сухое, стал рубить. Вдруг, откуда ни возьмись, прилетела маленькая птичка, птичка-невеличка, села на ветку и запела. Да так залилась, защёлкала, что старик диву дался.

Сидит птичка, поёт, а старик от неё глаз оторвать не может: грудка у неё красная, а носок золотой. Сама птичка маленькая-маленькая, глазки светятся, только что не говорят.

Заслушался старик, как птичка поёт, и заснул. И проспал целый день.

Наступил вечер, тьма пришла, проснулся старик. Кругом тишина. Птичка улетела.

Пошёл старик домой. Пришёл, а старуха его спрашивает:

— Где ж ты дрова оставил? Или нести тяжело было — так много нарубил?

А старик рукой махнул.

— Куда там! — говорит. — Не рубил я! Ни одного дерева не свалил, ни одного полешка не принёс.

Старуха диву далась:

— Как же так? Или ты заболел? Или обленился?

А старик отвечает:

— Прилетела птичка-невеличка, грудка красная, носок золотой. Да так запела, что я заслушался и заснул. Себя не помню, проспал без малого весь день.

В другой раз пошёл старик в лес. Опять взялся то же дерево рубить, что накануне рубить хотел. Только топором взмахнул, глядь — прилетела птичка-невеличка, села на ветку и начала петь.

Заслушался старик певунью и заснул. А когда глаза открыл, батюшки мои: солнце зашло, вечер наступил! И птичка улетела.

Пришёл старик домой задумчивый, грустный.

— Что ты невесел, муженёк? — спрашивает старуха. — Или опять дров не припас, не нарубил?

— Эх, старая, — отвечает старик, — опять я дров не нарубил, не припас! И всё потому, что прилетела птичка-невеличка и запела, да так, что и сказать нельзя! А я слушал, слушал и заснул.

Тут старуха и говорит:

— Послушай, старик, что, если нам ту птичку поймать? Ведь она неспроста прилетает и поёт! Поймай ты, старик, птичку и принеси её нам домой. Мы её кормить станем, поить, ухаживать за ней.

Пошёл старик в лес в третий раз. Только за топор взялся, взмахнул было — прилетела птичка-невеличка, села на ветку и сидит. Сидит, молчит.

Старик недолго думая заработал топором, свалил дерево. А птичка на свежий пенёчек перелетела, села и начала петь.

Слушает её старик, а сам думает:

«Только бы не заснуть под её пение. Ну-ка, закрою глаза, а спать не буду. Подожду, что случится».

Затаился старик, сидит возле срубленного дерева, голову набок склонил, будто спит. А сам себя уговаривает:

«Не спи! Не спи, старый!»

А птичка поёт. Пела она, пела и затихла. Открыл глаза старик, смотрит: заснула птичка.

Тихонечко подошёл к ней старик, в горстку её схватил, осторожно в рукавицу спрятал и пошёл домой.

А старуха его встречает.

— Вижу, старый, — говорит, — по глазам твоим радостным, что несёшь ты птичку-невеличку в наш дом!

Посадили они птичку на стол, хлебушка ей крошили, водички в блюдечко налили. Попила птичка, поела и давай петь.

Пела, пела, старик со старухой и уснули.

Ночь прошла — они спят. Утро настало — они спят. Наконец проснулись. Старик и говорит:

— Ох, и крепко же я спал, старуха! Надо поскорее птичке клетку сделать. А то, не нарочно, заберётся кошка в дом и, пока мы спим, съест нашу птичку.

Смастерил старик клетку, большую, просторную.

Вот пошли старик со старухой в поле работать. А птичка из клетки выпорхнула и в девушку превратилась: щёки румяные, брови чёрные, а глаза горят.

Вся изба засветилась, вот до чего девушка прекрасна собой была!

Затопила она печь, корову подоила, обед сварила и в доме убралась. Всё успела. А потом снова обернулась птичкой, залетела в клетку, защёлкала, засвистала.

Пришли старик со старухой домой, смотрят — в избе чисто, обед приготовлен, на стол подан, и корова обихожена. Удивились они, однако невдомёк им, что это всё птичка-невеличка сделала.

В ту пору ехал той стороной царевич, проезжал через деревню и услышал, что у старика со старухой в клетке птичка поёт. Не утерпел, любопытствовал, зашёл в избу. А птичка поёт, заливается. Заслушался царевич её и сам не замечал, как уснул тут же, в избе. Весь день проспал. Проснулся — вечер уже.

Решил царевич так:

«Пойду-ка я к старушке вдове, спрошу её, что за птичка-невеличка это и почему она так удивительно поёт!»

Отправился царевич старушку вдову искать. Нашёл. И спрашивает:

— Скажи мне, бабушка, что это в избе у старика и старухи за удивительная птичка живёт? Живёт, поёт, да так, что хочешь не хочешь, уснёшь и весь день проспишь.

А старушка вдова отвечает:

— Знаю, знаю. Это не птичка, а звёздочка ясная с неба упала. Счастье людям приносит. Ты вот дождись, когда старик со старухой из дому уйдут, изловчись и погляди: птичка из клетки выпорхнет, превратится в девушку и старой старухе, словно родная дочь, всю работу в доме переделает.

Загорелся царевич, просит:

— Бабушка, бабушка, научи ты меня, как мне её в девичьем облике увидеть!

А старуха вдова отвечает:

— Ты стань, сынок, под окошко да в щёлочку погляди. Если увидишь, никогда ей больше птичкой не быть! Человеком останется!

Ушли старик со старухой в поле работать, а царский сын к окошку подошёл, отыскал в одном уголке щёлочку, глянул и обомлел. Выпорхнула птичка-невеличка из клетки и превратилась в девушку, да такую прекрасную, что и сказать невозможно: щёки румяные, губы алые, брови чёрные, а глаза горят.

Стоит царевич возле окошка, от щёлочки глаз оторвать не может, от счастья еле дышит: всё видит, что в избе делается.

А девушка печь истопила, обед приготовила, корову обходила, в избу вошла — изба светится!

Ждёт царевич, что дальше будет.

Подошла девушка к клетке, остановилась, поглядела, подождала — видно, думала: вот сейчас колдовские чары её опять в птичку превратят. Ан нет! Клетка, клетка-то порожняя висит, и девушка как была — красавица — перед ней стоит, и радость на её лице неслыханная.

Подумать только, на этот раз не превратилась она в птичку, нет, осталась дочерью любимой своих родителей!

Тут как раз вернулись старики с поля, увидели её и ну целовать-миловать! Вот радости, вот слёз-то было!

Где одна радость, там и другая следом идёт. Вошёл царевич в избу, поклонился старику и старухе, стал просить их отдать ему дочь в жёны.

Жалко было старым свою ненаглядную отдавать, да пришлось. Уж больно полюбили молодые друг друга.

И женился царевич на девушке-птице, на птичке-невеличке, красные пёрышки, золотой носок.

Сыграли молодые свадьбу, и старика и старуху не забыли, взяли к себе в дом, и стали все вместе жить-поживать.

Тут и сказке конец.

СУМА, ДАЙ УМА!

Жили-были два брата. Один бедный, другой богатый.

Шёл однажды бедняк лесом, вдруг видит — на земле маленький мужичок в красном кафтане лежит, деревом ему ногу придавило.

Поднял бедняк дерево, освободил мужичка в красном кафтане.

Сказал тот бедняку:

— Спасибо тебе, добрый человек. Если бы не ты, пришлось бы мне тут погибнуть. А за то, что ты меня спас, проси чего хочешь.

Бедняк ему и сказал:

— Что ж мне просить? У меня ничего нет. Что дашь, всё сгодится.

Похвалил его мужичок в красном кафтане:

— Хороший ты, видно, человек, не жадный. Дам я тебе за то копейку — не простую, золотую. Подбрось её в руке, и будет у тебя золота сколько захочешь! Только береги её, смотри, никому не отдавай!

Взял бедняк золотую копейку, поблагодарил мужичка в красном кафтане и пошёл домой.

Только в дом вошёл, подбросил копейку и сказал:

— Копейка, копейка, хочу мешок золота иметь!

Оглянуться не успел, стоит посреди избы мешок, полный денег, ни одной медяшки, ни одной серебряной денежки нет, одни только золотые!

Разбогатец бедняк, стал жить — ни в чём не нуждается.

Прослышал о том богатый брат, пошёл к бедному и спросил:

— Где ты, братик любимый, столько добра взял?

А бедняк-то, добрая душа, всё ему и рассказал. Как по лесу шёл, как мужичка в красном кафтане увидел и вызволил из-под упавшего дерева.

— Теперь, — говорит, — если золотую копейку не потеряю, век мне жить не тужить, никогда не обеднею!

Стал богатый брат у бедного золотую копейку просить:

— Хоть на время, на один только день дай мне копеечку! Я самую малость ею попользуюсь и тебе верну. Ты ведь знаешь, брат мой любимый, что на всём свете для меня ты самый родной человек!

А бедняк, добрая душа, забыл, что золотую копеечку отдавать нельзя, говорит брату:

— Возьми! Мне не жалко, у меня добра вдоволь!

Унёс богач золотую копеечку домой и давай золото грести — мешками. А потом спрятал её в самый дальний сундук и не думает отдавать своему брату.

Прошло время и ещё столько же. Прожил бедняк своё добро, поистратил деньги. И видит — богатый брат ему золотую копеечку не несёт. Пошёл к нему и сказал:

— Коли ты не пришёл, так я за своей копеечкой сам явился!

А богач ему отвечает:

— О какой такой копеечке ты речь ведёшь? Я тебе ничего не должен и брать у тебя ничего не брал!

Надавал ему пинков, прогнал со двора.

Вернулся домой бедняк, жене жалуется. А она говорит:

— Что теперь с ним сделаешь? Он богат, он силен, на

него управу разве найдёшь! Нет, видно, не судьба нам сытно жить!

Пришли в избу к бедняку нужда, нищета да голод.

Вспомнил тогда бедняк о мужичке в красном кафтане, решил к нему пойти.

Отправился бедняк в лес. Нашёл то место, где мужичка в тот раз встретил. Видит — дерево как тогда лежит. Листья с него пооблетели, ветки на нём посохли.

Стал бедняк мужичка звать, а никто не отзывается. Что делать? Догадался бедняк — по дереву упавшему постучал: «Тук-тук! Тук-тук!»

Откуда ни возьмись, появился мужичок в красном кафтане, спросил:

— Это ты меня звал? Ну, рассказывай, как живёшь. Много ли добра нажил золотой копеечкой?

Заплакал бедняк и рассказал мужичку в красном кафтане о том, как брат брата обидел.

Рассердился мужичок в красном кафтане, а потом сказал:

— Ну ладно, на первый раз прощу тебя. А в другой не проси. Стар я стал: уйду в дальний лесок, найду там мосток — отдыхать буду.

И дал бедняку скатерть.

— Расстели её, — сказал мужичок в красном кафтане, — и у тебя от угощения стол будет ломиться! Ешь и пей, сколько душе угодно. Только смотри никому скатерть не отдавай!

Пришёл бедняк домой, расстелил скатерть и спросил жену:

— Ну, жена, кушать хочешь? Только скажи. Что ни пожелай — сейчас будет!

Сказала жена:

— Сейчас бы каши с маслом поесть!

Только проговорила, появилась на столе каша с маслом, рассыпчатая, горячая, аж пар валит.

Ели они, ели кашу, наелись, а она не убавляется. Позвали гостей, и те наелись. Из других деревень люди пришли. Бедняк всех угощает:

— Кушайте, люди добрые! Угощайтесь!..

Прослышал о той скатерти чудесной богатый брат, пришёл к бедному, просит:

— Дай ты мне, братец любимый, хоть на один день скатерть эту!

А бедняк ему отвечает:

— Зачем тебе скатерть? Ешь вволю. Что хочешь, то и подам, всем чем угодно тебя накормлю!

Видит богач, не даёт ему бедный брат скатерть, и говорит:

— Хочу я, братик, курочки жареной поесть и сладкого вина попить!

Только сказал, весь стол курами жареными заставлен. Стоит, от тяжёлых бочонков с вином прогибается!

Стали они курочек жареных есть, вино попивать. А богач-то бедняку всё подливает и подливает.

Захмелел бедняк, веселится, песни поёт, радуется, а чего — сам не знает. Тут богач и попросил его:

— Дай ты мне, братик мой любезный, хотя на один день скатерть свою. Я только семейство, деток накормлю и сейчас же тебе с благодарностью превеликой возвращу её. Ведь завтра у меня именины!

А бедняк захмелел и кричит:

— Бери скатерть! Что хочешь бери, мне для тебя ничего не жалко!

Схватил богач скатерть и унёс домой.

Вот приходит к нему назавтра бедняк с именинами поздравлять, а богач как закричит:

— Ты куда лезешь, сума нищенская! Пошёл прочь!

И собак на него спустил.

Вернулся бедняк домой, плачет. Есть нечего, и взять теперь негде. Вспомнил опять о мужичке в красном кафтане, решил к нему пойти. А жена говорит:

— Ну куда ж ты пойдёшь? Он тебе помогал, а ты всё, что получил от него, богачу отдал!

Бедняк ей сказал:

— Что ж теперь делать? Всё одно помирать. Пойду в лес.

Пришёл к тому месту заветному, в дальний лесок. А там мосток. Глянь — внизу мужичок в красном кафтане лежит, отдыхает. Окликнул его бедняк. Поднялся мужичок в красном кафтане заспанный, сердитый:

— Опять пришёл меня беспокоить!

Заплакал бедняк, взмолился:

— Прости меня, только уж что делать, не знаю. Без тебя погибну и я и семейство моё. Отнял у меня хитростью богатый брат ту скатерть, что ты мне дал!

Выслушал его мужичок в красном кафтане и сказал:

— Ладно уж. Во второй раз пожалею тебя, но знай, что в третий раз не приходи. Золотую копейку ты отдал. Скатерть ты отдал. Что же тебе на этот раз подарить?

Задумался мужичок в красном кафтане, а потом сказал:

— На, возьми эту суму. Повесь её через плечо, ударь по ней палочкой и скажи: «Сума, дай ума!..» А теперь покажи, как ты с ней управляться будешь.

Повесил бедняк суму себе через плечо, ударил по ней палочкой и сказал:

— Сума, дай ума!

Только сказал, как выскочили из сумы семь маленьких мужичков в зелёных кафтанах и давай бедняка палками колотить. Взмолился бедняк, стал мужичка в красном кафтане просить:

— Голубчик, заступник мой, пощади! Скажи, чтоб бить перестали!

А тот смеётся:

— Сейчас ума наберёшься — и перестанут.

Подождал маленько и сказал:

— Сума, хватит ума!

Только сказал, мужички в зелёных кафтанах, все семеро, в суму убрались.

И вздохнул бедняк:

— Ну и ну! Набрался я ума!

— То-то! — сказал мужичок в красном кафтане. — Теперь знаешь, что с сумой делать, как поступать?

— Знаю! — сказал бедняк.

Поблагодарил и пошёл прямо к богатому своему брату. Пришёл и говорит слугам:

— Скорее зовите брата сюда, важное дело до него есть!

Вышел богач, смеётся:

— Опять за долгами пришёл, попрошайка!

А бедняк говорит:

— Что ты, брат мой любезный! Получил я новый пода-

рок от мужичка в красном кафтане. Последний. Должно, он самый лучший и есть. Давай меняться?

Взял богатый брат суму, повесил через плечо, взмахнул палкой и говорит:

— Ну, нищий, не видать тебе и этого подарка!

Ударил тогда бедняк палкой по суме и крикнул:

— Сума, дай ума!

Как выскочили семь мужичков в зелёных кафтанах, как стали богача колотить, так он закричал:

— Братик, братик, пожалей меня! Останови их!

А бедняк стоит, смотрит.

— Нет, — говорит, — пока ещё их останавливать рано. Вот наберёшься ты ума, тогда и остановим.

А мужички в зелёных кафтанах молотят богача! Богач кричит:

— Братцы! Отпустите! Не бейте!

Увидал богач, что дело так не пройдёт, сообразил быстро.

— Жена! — кричит. — Неси скорее золотую копеечку!

Бедняк говорит:

— И скатерть не забудь!

А богач уж повторяет:

— И скатерть, скатерть не забудь!

Отдал он бедняку золотую копеечку и скатерть-самобранку.

Тогда бедняк и шепнул:

— Эй, сума, хватит ума!

Мужички в зелёных кафтанах разом в суму убрались.

Взял её бедняк у богача и пошёл домой.

С тех пор он не знал ни нужды, ни голода.

А богатого брата всей семьёй трое суток в бане парили, растирали.

КРАСАВИЦА НАСТО

Жил парень когда-то. Встретил девушку, полюбилась она ему, и он ей приглянулся. Они и поженились. Хорошо жили, счастливо. Только молодая жена не здешняя была, из дальних мест. Вот прошло времени ни много и ни мало, загрустила она, а муж удивляется:

— Любить ты меня любишь, и я тебя вон как сильно люблю, так что ж ты грустишь, жена моя ненаглядная?

Она ему и отвечает:

— Тоска меня гложет! Край родной вспоминаю — забыть не могу!

А муж никак понять не может.

— Какая такая тоска? — говорит. — Разве тебе плохо тут?

— Да нет, — говорит жена, — мне с тобой любо и счастливо жить, а вот дом родимый, места родные забыть не могу.

— Чудно ты говоришь! — отвечает ей муж. — Никак я в толк не возьму, что это за тоска такая? Я её знать не знаю!

Он-то не знает, а жена грустная ходит и всё нет-нет вздохнёт тяжело, и глаза невесёлые. Только что не плачет.

Задумался муж:

«А что, если в самом деле есть на свете тоска по родной земле?»

Подумал так и сказал жене:

— Вот что решил я: уйду-ка далеко-далеко, в чужие края, наймусь там в работники, проживу, может, тогда и узнаю, есть ли тоска и какая она на самом деле.

И ушёл он в чужие края, в чужедальние, нашёл там купца, нанялся к нему в работники.

А купец-то не простой был человек, ох, не простой, хитрый, себе на уме. А может, и колдовать мог.

Кто его знает, что он мог, а чего не мог. Никто не знал. Только посмотрел купец на молодого мужа, подал ему сапоги хорошие, новые и сказал:

— Взять-то тебя возьму в работники, но с условием: пока сапоги не износятся, срок твой не кончится. А износишь — можешь домой в тот же час возвращаться!

Эко дело — сапоги износить! Согласился молодой муж и давай на купца работать.

Работал, работал, и стало ему грустно. То жену вспомнит, то дом родной. Вспомнит и на сапоги глядит: не износились ли? Не пора ли? Не пора ли ему домой возвращаться?

Куда там! Сапоги-то его как новые! Блестят, поскрипывают! Просто беда!

Однажды шёл молодой муж полем, соху тяжёлую на плечах тащил. Вдруг навстречу человек. Ба-а! Земляк! Ну вот, хочешь верь, хочешь нет, а земляк!

Стали они друг против дружки и давай говорить. И про дом, и про землю, и про то, и про сё.

Обо всём переговорили. Солнце зашло, только тогда они распрощались, разошлись. Тут молодой муж спохватился:

— Что ж это я соху с плеча не снял? Тяжесть какая! А я и не заметил, не почувствовал, пока стояли!

Вздохнул, домой с поля вернулся, опять на сапоги установился и заплакал.

Заплакал он горько и, на сапоги глядя, сказал самому себе:

— А ведь жена-то тогда правду говорила! Довелось мне узнать, что такое тоска по родному дому!

Так и прожил он у купца много лет.

А сапогам всё износу нет.

Шёл он однажды лесом, смотрит — избушка. Постучался, дверь открыл, видит — сидит в избе старушка вдова. И спросил он у старушки:

— Не знаешь ли, бабушка, что это за сапоги на мне? Из какой кожи, проклятые, сшиты? Восемнадцать лет ношу их, а они всё не изнасятся!

Говорит ему старушка вдова:

— Ох ты, горе моё! Сапоги твои не простые, а заколдованные! Но ты не печалься. Я тебе вот что скажу. Как придёшь домой, к купцу своему, так сними сапоги и брось их незаметно в печку. А утром достань. Они сгореть не сгорят, да зато быстро изнасятся. Тогда и службе твоей у купца конец.

Так и сделал муж. Сапоги в печку бросил, утром достал, обулся, они враз и изодрались. Сносились.

Пришёл он к хозяину и сказал:

— Что ж, хозяин, сапоги мои истрепались, пообносились. Видать, срок работе моей пришёл, кончился!

Делать нечего, дал ему купец расчёт и домой отпустил.

Пошёл муж домой. Идёт, ног под собой от радости не чувствует. Душа у него от счастья горит. В голове только одно: домой, домой, домой иду!

А день был жаркий, и начала его жажда мучить. Вдруг увидел он ручей. Заспешил к нему, нагнулся, чтобы попить, а водяной вцепился ему в бороду и не пускает.

Взмолился муж:

— Батюшка водяной, отпусти ты меня! Я дома восемнадцать лет не был! Тоска загрызла!

А водяной его за бороду держит и говорит:

— Не отпущу, покуда не обещаешь мне то, чего дома у себя не знаешь!

Обрадовался муж: эка задача, да он дома у себя, поди, всё знает! И сказал водяному, не задумываясь:

— Чего спорить? Как ты говоришь, так и станется: обещаю, чего дома не знаю!

Водяной его отпустил, он и пошёл домой.

Пошёл он домой и не знал, не ведал, что, пока у купца служил, жена его дочку родила — красавицу Насто.

Выросла Насто за годы, что он на чужбине провёл, невестой стала. Да такой красивой, что ни в сказке сказать, ни пером описать: ни в верхнем, ни в нижнем мире, ни на земле, ни в подводном царстве такой не сыщешь:

Рученьки — чисто золото,
Ноженьки — серебро,
На макушечке ясно солнышко,
На височках ярки звёздочки,
На каждом на волоске по жемчужинке!

Обрадовались жена и дочь, от счастья не знают, куда мужа, куда отца посадить, чем угостить.

А он сидит невесел: ведь это он дочь свою единственную, ненаглядную, красавицу водяному обещал.

Как остались муж с женой вдвоём, жена его и спрашивает:

— Что это ты, муженёк, невесел вернулся? Тебе бы, что жив-здоров пришёл, радостным быть надо, а ты печален!

А он ей сказал:

— Беда пришла нежданно, негаданно. Оттого я и печален. Как нагнулся я в дороге дальней к ручью воды напиться, так водяной меня за бороду схватил. Вцепился, никак не отпускает. «Обещай, говорит, что отдашь мне из дому то, чего и сам не знаешь!» А откуда мне знать, что у нас такое счастье — дочка родилась? Я и обещал.

Заплакала жена и сказала:

— Чему быть, того не миновать. Только своими глазами видеть, как водяной нашу дочь любимую со двора уведёт, не могу, не хочу. Давай, муженёк, уйдём пораньше из дому, а Насто оставим здесь. Без нас беде быть, всё легче жить.

Ушли отец с матерью ночью из дому. А красавица Насто одна осталась.

Утром встала — дома нет никого. Вышла Насто во двор, а там одна коза старая бродит. Обняла девушка козу и заплакала.

Коза ей и говорит:

— Не плачь, не горюй. Пока не поздно, лучше запряги меня, в санки соломы положи, а сама в ней схоронись, заройся.

Как коза сказала, так Насто и сделала. И пошла коза, санки повезла куда глаза глядят.

Едут, едут санки, коза их везёт, Насто в соломе сидит, спряталась. Вдруг навстречу водяные идут. Спрашивают у козы:

— Красавица Насто ждёт ли нас?

— Ждёт, ждёт! — отвечает коза. — Столы накрыты, свечильники горят.

Пошли водяные дальше, своей дорогой побежали к дому, где Насто жила, а коза тем временем с Насто в чужие края отправилась, в чужедальние.

Как заехали туда, так вылезла Насто из соломы. Обомлели люди, глаз оторвать от Насто не могут: видеть не видели, слышать не слышали о такой красоте. Ведь у неё

Рученьки — чисто золото,
Ноженьки — серебро,
На макушечке ясно солнышко,
На височках ярки звёздочки,
На каждом на волоске по жемчужинке!

Прослышал о ней царский сын, сам в ту деревню прискакал.

Понравилась ему девушка, полюбилась. И решил он на ней жениться.

А Насто сказала ему:

— Ты мне люб, царевич, и согласна я за тебя замуж пойти, но обещаю только, что никогда ты меня с козой моей не разлучишь. Где я буду, там и она быть должна. Где я стану есть, пить, там и старая коза эта чтобы пила и ела.

Царевич сказал:

— Пусть по-твоему будет. Для тебя что хочешь сделать готов!

Увёз царевич красавицу Насто во дворец и козу с ней вместе взял. Стали они жить-поживать.

Вот прошло времени столько-то, а может, ещё больше, родила Насто сына красоты необыкновенной, под стать ей самой.

Прослышала о том колдунья Сювятар, старухой обернулась, пришла во дворец в няньки наниматься.

А царевич-то не знал о том, не ведал. Думал, старуха хорошая, добрая, ласковая. Вот как притворилась ловко! Взял её царевич в няньки. Повела нянька красавицу Насто в баню ребёнка купать. А баня-то на берегу озера стояла. Подвела к воде и крикнула:

— Эй, дружки водяные! Вот она, Насто, возьмите её!

Только вымолвить успела, поднялись из воды руки, схватили красавицу Насто и утащили под воду.

А Сювятар вместо неё свою дочь колдовскую во дворец привела. Увидел царевич Сювятарову дочку безобразную, подумал:

«Была моя жена красавицей, а как сына родила, видно, некрасивой стала!»

А ребёнок день и ночь без матери родной плачет. Да что ребёнок — сады цвести перестали, цветы завяли, птицы умолкли.

Невзлюбила дочь Сювятар старую козу красавицы Насто. Сказала царевичу:

— Уберите её прочь с глаз моих! А ещё лучше — зарежьте!

Диву даётся царевич: что с женой его стало? То в козе своей души не чаяла, только что за стол не сажала, а тут зарезать просит.

Сказала коза слугам царским:

— Вы не режьте меня, слуги добрые! Сперва пустите в поле широкое, на зелёный лужок попастись, а уж потом убивайте.

Пожалели слуги царские старую козу, отпустили в поле широкое, на зелёный лужок. А коза на берег озера пришла и крикнула:

— Водяной, водяной, отпусти красавицу Насто! Позволь мне на прощание ей хоть одно слово сказать!

Привязал водяной к ноге Насто золотую цепь, отпустил красавицу на берег. Обняла Насто свою старую верную козу, и заплакали они обе. А потом сказала коза:

— Пришла я с тобой, Насто, прощаться. Зарежут меня скоро!

Привязал водяной к ноге Насто золотую цепь, отпустил красавицу на берег,
обняла Насто свою старую верную козу, и заплакали они обе.

Поплакали бы они ещё, да в то время водяной потянул за цепь, и скрылась Насто под водой.

Пришла старая коза домой вся в слезах, в горе великом. А Сювятарова дочка уродливая опять говорит:

— И чего её держат, козу шелудивую, вредливую! Зарежьте её!

Повели слуги козу резать, а она им и говорит:

— Слуги, слуги, погодите меня резать! Отпустите меня, старую, перед смертью в поле широкое, на зелёный лужок погостить!

Пожалели её слуги, отпустили в широкое поле, на зелёный лужок погулять, погостить.

А царевич-то всё удивляется, никак в толк не возьмёт: вчера жена в козе души не чаяла, а сегодня резать просит. Почуял он что-то недоброе, тайком за слугами пошёл, а как они козу отпустили, за ней прокрался, посмотреть хотел, куда коза ходит, для чего отпустить просится.

Пошёл за козой царевич, увидел, что на берег озера она пришла. Спрятался за камнем и стал ждать.

Подошла коза к воде и крикнула:

— Водяной, водяной! Отпусти красавицу Насто на бережок! Позволь мне ей три слова сказать!

Вышла красавица Насто на берег, золотой цепью звенит. Обняла старую козу, и обе — и Насто и коза — заплакали. А потом коза сказала:

— Прощай, моя ненаглядная Насто! Зарежет меня сегодня Сювятарова дочка!

Только сказала, потянул водяной золотую цепь и утащил красавицу Насто в озеро. А коза на берегу осталась плакать.

Подошёл к ней царевич и сказал:

— Не плачь, коза верная, коза мудрая! Иди спокойно домой, а я за тобой следом приду.

Идёт царевич вслед за козой, думает, как ему жену свою красавицу, что в озере у водяного живёт, спасти, а Сювятарову дочку проклятую вместе с колдуньей-матерью победить.

Пошёл в кузницу, отковал молот себе по руке — большой, тяжёлый.

Наутро козе сказал:

— Иди, коза, в широкое поле, на зелёный лужок!

А сам следом пошёл.

Пришла коза на берег, к воде подошла, крикнула:

— Водяной, водяной! Отпусти красавицу Насто в последний раз со мной повидаться, перед смертью моей попрощаться! Я на любушку Насто только гляну — ни одного слова не скажу!

Вышла красавица Насто на берег, золотой цепью звенит. Выскочил тут из-за камня царевич, молотом так хватил, что разлетелась цепь золотая на мелкие куски.

Сказал красавице Насто:

— Жена моя любимая! Я тут, твой муж!

А Насто к нему кинулась, заплакала:

— Не будет нам жизни, не видать нам счастья! Ты меня освободил, а злая Сювятар всё равно погубит!

А царевич сказал ей:

— Ещё посмотрим, добро победит или зло!

Пошли они вместе домой. Вернулись, царевич жену свою красавицу и козу её верную в амбаре спрятал. Сам пошёл, приказал слугам верным баню затопить, а перед порогом её котёл с кипящей смолой в землю врыть да тропку от дома до самой бани красным сукном устлать.

Когда всё готово было, зашёл во дворец и сказал Сювятар:

— Суббота сегодня, пора в баню идти. Пожалуйста по красному сукну к жаркому полку!

Пошла Сювятар в баню. Идёт по красному сукну, вышагивает, головой во все стороны вертит, хихикает, смеётся:

— Хе-хе! Ха-ха! Мне одной такая честь — по красному сукну да к банному полку!

Только в баню шагнула, как провалилась и упала в котёл с кипящей смолой.

Взвился к небу чёрный дым — и развеялся: ничего от злодейки Сювятар не осталось. Дочка же её сама быстрёхонько прочь убралась.

А царевич с красавицей Насто зажили счастливо. Тут бы и сказке конец, да что-то загрустила Насто, затосковала. И повёз её царевич в далёкие края, туда, где её родители жили — отец с матушкой. Только подъехали, а родители их у дороги встречают.

Насто и говорит:

— Или вы ждали меня, или не ждали?

А отец ей отвечает:

— Как не ждать, доченька, коли знал я, что нет силы сильнее, чем тоска по дому родному. Для доброго человека и пироги не сладки, и золото не в радость, и солнце не ярко, и жизнь в тягость, коли он с домом разлучён, домой вернуться не может.

Обнялись они и на радостях заплакали.
Тут и сказке конец.

КОЗА И БАРАН

Жили старик со старухой. И было у них живности всего только коза да баран.

Жить бы да жить козе и барану у стариков, так нет, скучно стало дома, и вздумали рогатые уйти. куда глаза глядят.

Отыскали в сарае суму старую перемётную и стали ждать, когда старик со старухой из дому в поле работать уйдут. А как остались одни, собрали припасы, сложили в суму и отправились в путь-дороженьку.

Долго шли они. Завечерело уже. А потом совсем темно стало.

Вот и говорит баран козе:

— Видишь большое дерево? А ну влезь-ка на него, погляди, не видать ли где огонька.

Вскарабкалась коза на дерево, смотрит — вдали огонёк мерцает.

— Вижу! — кричит коза барану. — Огонёк светится. Где огонёк — там и окошко, а где окошко — там и ночлег.

Пошли коза с бараном на огонёк, торопятся. Подошли, видят — не деревня это, а костёр горит. Ещё ближе подошли. Батюшки мои! Сидят у костра девять волков, сидят — ужин варят, зубами от нетерпения щёлкают.

Испугалась коза, испугался баран, да что поделывать-то: бежать поздно, бежать некуда!

Пошептались, головами закивали, вроде договорились...
Спрашивают:

— Дозвольте, волки, с вами у костра посидеть, повечерять.

— Садитесь, — сказали волки.

А сами с козы и барана глаз не сводят. Те сидят — ни живы ни мёртвы, однако виду не подают, что боятся.

Посидели так, и вдруг коза спрашивает у барана:

— Что на ужин варить будем?

А баран ей в ответ небрежно так отвечает:

— Возьми в суме самую большую волчью голову, её и свари. А то я больно проголодался!

Переглянулись волки: ох, не к добру это диво! У козы и барана — и вдруг волчья голова!

А коза в суме роется, что-то там перекладывает, ворчит себе под нос:

— Эта мала! Эта не подходяща!

Струхнули волки. Один и говорит:

— Глянь-ка, братцы, костёр скоро погаснет. Пойду схожу я за хворостом!

Ушёл и не вернулся.

А коза всё в суме роется, будто и взаправду в ней волчья головы перекладывает, перекачивает.

Тут другой волк говорит:

— Ну-ка я за водой сбегаю!

И тоже ушёл и не вернулся. А за ним третий пошёл соли принести, за третьим ещё один отправился.

Так они друг за дружкой и ушли: для всех причина нашлась, все в лес убежали.

Вот до чего они козы и барана испугались.

И ужин им свой оставили.

Шутка сказать — ужин всех девяти волков съесть! Нашлись, разомлели. Баран и говорит:

— Давай спать ляжем.

А коза отвечает:

— Что ты, что ты! Погодим ложиться. Ещё ненароком волки вернутся!

А баран говорит:

— Устал я больно суму таскать. Она вон какая тяжёлая!

И лёг.

А волки бежали, бежали, аж языки высунули. Вдруг смотрят — навстречу им медведь.

— Куда это вы так торопитесь?

Волки наперебой ему объясняют:

— Сидели мы у костра, ужинали. Пришли коза и баран, попросились переночевать. Сума у них здоровенная. Ну, и стали они ужин собирать, в суме шарить, самую большую голову волчью искать. Уж мы испугались, не нашего ли отца, батюшки, голова-то! Вдруг они его убили? Мы и убежали!

— Эх вы, дурни, глупые головы! — засмеялся медведь. — Да это они сами к вам на съедение пришли!.. А ну пойдёмте вместе.

Побежали девять волков обратно к костру, а за ними медведь. Бегут — земля дрожит.

Услыхала коза, что бегут волки, бежит медведь, растолкала барана:

— Вставай скорее! Спасайся! Лезь за мной на дерево, иначе съедят нас!

Вскочил баран, спросонок полез на дерево, копытца его скользнули, и зацепился он рогом за сук и повис на нём.

А коза как взлетела на самую верхнюю ветку, так там и осталась. Стоит, дрожмя дрожит, чуть вниз не валится.

Прибежали волки, прибежал медведь. Стали они под деревом и говорят:

— Вот где они, разбойники, схоронились! Надо бы влезть да поскидать их оттуда!

Только взялся медведь лапами за дерево, а баран как глянул вниз, увидал его когти — чёрные, гнутые, острые, — так и затрясся, словно осиновый лист. А тут рог-то его отцепился от сучка, и бухнулся баран вместе со своей тяжёлой сумой прямо медведю на голову.

А коза не растерялась, на верхней ветке хоронясь, и закричала громким голосом:

— Держи медведя крепче! А с волками-то я легко сама управляюсь!

Медведь от испуга решил, что на него небо свалилось, и чуть жив наутёк пустился. А волки за медведем бегом бегут, улепётывают.

Тут спустилась коза с дерева, у самой хвостик дрожмя дрожит от страху.

— Эх, барашек, барашек! — говорит коза. — И натерпелись мы с тобой лиха! Чего греха таить, не правится мне по свету бродяжничать! Давай лучше домой вернёмся!

Так и сделали. Пошли они домой и никогда больше от старика и старухи не бегали.

ПЕТУШОК С КРАСНЫМ ГРЕБЕШКОМ

Жили когда-то брат и сестра. Умерли у них отец и мать и оставили детям всего добра — одного только петуха с красным гребешком.

Однажды, когда в доме не было уже ни крошки, сказал брат своей сестричке:

— Сходи-ка ты в амбар, погляди, не найдёшь ли там хотя бы одно зёрнышко.

Пошла девочка в амбар, а там пусто. Взяла она птичье крыло, подмела им заком и нашла одно-единственное ржаное зёрнышко.

Принесла она зёрнышко брату, и решили они посадить его. Выкопали ямку за домом, зерно в неё положили, землёй присыпали.

Утром, раным-рано, пошёл брат посмотреть, не взошло ли зёрнышко, и видит: вырос из него стебелёк толщиной с сосну, вершиной небо подпирает.

«Вот уж чудо из чудес! — подумал мальчик. — Посмотрю-ка я, что там наверху!» Подумал и полез по стеблю.

Взобрался он до самых туч — стебелёк-то, оказывается, тучи насквозь проткнул — и ещё выше поднялся.

Пошёл мальчик по тучам гулять.

Гулял, гулял и увидел маленький домик. Открыл он дверь, зашёл в дом, видит — сидит старуха в углу, ручным жёрновом что-то мелет. А старуха-то старая, и у неё один только глаз, да и тот она вынула и на полку положила.

Вертит старуха рукоятку жёрнова, а из-под него блины и пироги вылетают. У печки мешок стоял, так он полон блинов да пирогов был.

Схватил мальчик мешок, закинул за плечи и пустился бежать. До стебля добежал и по нему на землю вернулся.

— Смотри, что я принёс! — сказал он сестре.

А та удивилась.

— Где это ты взял, братец? — спросила она. — Или из зёрнышка всё это выросло?

Стал ей брат рассказывать:

— Взошло зёрнышко, а стебелёк до неба вырос. Я поднялся на самое небо, а там домик стоит. Я в домик зашёл, а там старуха жёрнов вертит. А из-под него блины и пироги вылетают!

Долго брат с сестрой те блины и пироги ели. Но вот пришёл день, полезли они в мешок, а он пустой! Не стало у них еды, и мальчик снова решил на небо взобраться.

— Возьми и меня с собой, братец! — сказала сестра.

— Нет, тебя не возьму, — сказал брат. — Ты не утерпишь, засмеёшься ещё, и старуха заметит нас.

Сестра стала просить:

— Не засмеюсь я! Возьми меня, братец!

Взял брат сестру с собой, и полезли они вдвоём по стеблю на небо.

Взобрались на облака, пошли по дороге и добрались до того места, где домик стоял. Зашли в него, смотрят — в углу опять старуха сидит, жёрновом мелет, а единственный глаз свой на полку положила. Смешно это показалось девочке, она и прыснула.

Взобрался он до самых туч — стебелёк-то, оказывается, тучи насквозь проткнул —
и ещё выше поднялся.

Услышала старуха смех, схватила свой глаз, в глазницу вставила. Увидала, закричала:

— Ага! Попались! Это вы у меня намедни все блины да пироги унесли?!

А брат с сестрой стоят ни живы ни мёртвы.

Затопила старуха печь и сказала:

— Теперь я вас зажарю и съем! Ты, парень, садись-ка на лопату первым, я тебя в печку суну.

Сел мальчик на лопату, ногами вперёд, руками упирается — никак его старуха в печь не всунет.

Говорит старуха:

— Не так ты сел! Надо головой к печке садиться.

А он ей сказал:

— Что-то я тебя не пойму, бабушка! Садись-ка ты сама на лопату и покажи, как в печь залезать!

Села старуха на лопату, даже спину согнула, а мальчик недолго думая и сунул её в печь!

Обрадовались брат и сестра, что спаслись, взяли жерновок и спустились с неба по стеблю.

Ох, и зажили дети и петушок с жерновком! Тот себе мелеет, а они блины да пироги едят!

Но вот узнал царь о чудесном жёрнове. Приказал слугам своим отобрать у сирот жерновок.

Вышли у них все припасы, и стало им опять жить голодно, худо.

Заплакала сестра, заплакал брат, а петушок-то услышал, прошёлся по избе и сказал:

— Ко-ко-ко! Пойду и возьму у царя жерновок!

И отправился петух к царю. Шёл он, шёл и повстречал медведя. Медведь спросил у петуха:

— Куда идёшь, петух?

— К царю иду за жерновком, который он у сирот отнял!

— Возьми и меня с собой! — сказал медведь.

— Лезь под моё правое крыло, — сказал петух.

Залез медведь петуху под правое крыло, он и зашагал дальше.

Шёл, шёл, и повстречался ему волк.

— Куда идёшь, петух? — спрашивает волк.

— К царю иду за жерновком, который он у сирот отнял!

— Возьми меня с собой! — сказал волк.

— Лезь под моё левое крыло, — сказал петух.

Залез волк петуху под левое крыло, и пошёл он дальше.

Идёт и видит у дороги озерко маленькое.

— Куда идёшь, петух? — спрашивает озерко.

— К царю иду за жерновком, который он у бедных сирот отнял.

— Возьми и меня с собой, петушок! — сказало озерко.

— Хорошо, — сказал петух. — Ты как раз у меня в зобу поместишься.

И начал пить воду из озерка.

Выпил петух всё озерко и дальше отправился.

Пришёл петух к дому царя и запел под окном:

— У меня, петуха, красный гребешок, а у злого царя и того нет! Отобрал он у бедных сирот жерновок, тем и кормится!

Рассердился царь, велел своим слугам прогнать петуха. А тот отскочил и давай опять кричать:

— У меня, петуха, красный гребешок, а у злого царя и того нет! Жерновком сирот бедных, несчастных кормится!

Приказал царь своим слугам петуха схватить и в конюшню к диким жеребцам бросить, чтобы они его копытами затоптали.

Схватили слуги царские петушка, бросили в конюшню диким жеребцам под ноги.

А петух медведя из-под правого крыла выпустил, он, медведь, царских жеребцов задрал.

Пришли слуги на другое утро к конюшне, двери отперли, а петух у них меж ног проскочил, к царскому окну подлетел и запел:

— У меня, петуха, красный гребешок, а у злого царя и того нет! Жерновком сирот бедных, несчастных кормится!

Рассвирепел царь пуще прежнего и приказал слугам петуха в заут к диким баранам бросить, чтобы бараны его забодали.

А петух не испугался, волка из-под левого крыла выпустил. Он, волк, всех баранов зарезал.

Пришли на другое утро царские слуги посмотреть, а петух у них меж ног проскочил, к царскому дворцу подлетел и снова под окном у царя запел:

— У меня, петуха, красный гребешок, а у злого царя и того нет! Жерновком сирот бедных, несчастных кормится!

Затрясся царь от злости, от бессилия: как от петуха избавиться, не знает.

Кликнул царь слуг и приказал железную баню докрасна накаливать и петуха в ту баню бросить, чтобы он там сварился, изжарился. Бросили царские слуги петуха в баню. А петух из своего зоба воду выпустил, залило всю баню, она и остыла.

Пришли наутро царские слуги к бане, открыли двери, а петух проскочил у них меж ног к царскому дворцу и опять под окном у самого царя запел:

— У меня, петуха, красный гребешок, а у злого царя и того нет! Жерновком сироток бедных, несчастных кормится!

У царя голова кругом идёт: ну что ещё придумать? Приказал он слугам своим петуха схватить, сварить, а потом ему на завтрак подать.

Больно гневен был царь, не дождался, пока петуха сварят, и, не жевавши, проглотил целиком.

Проглотил царь петуха, а тот в животе у царя снова запел:

— У меня, петуха, красный гребешок, а у царя и того нет! Жерновком сирот бедных, несчастных кормится!

Стал злой царь просить петуха:

— Выйди, — говорит, — петушок, на волю, оставь ты меня в покое! И я тебя больше не трону!

А петушок ему отвечает:

— Не выйду, — говорит, — пока не вернёшь детям мам, сиротам их жерновок! — И снова запел: — У меня, петуха, красный гребешок, а у царя и того нет! Жерновком сирот бедных, несчастных кормится!

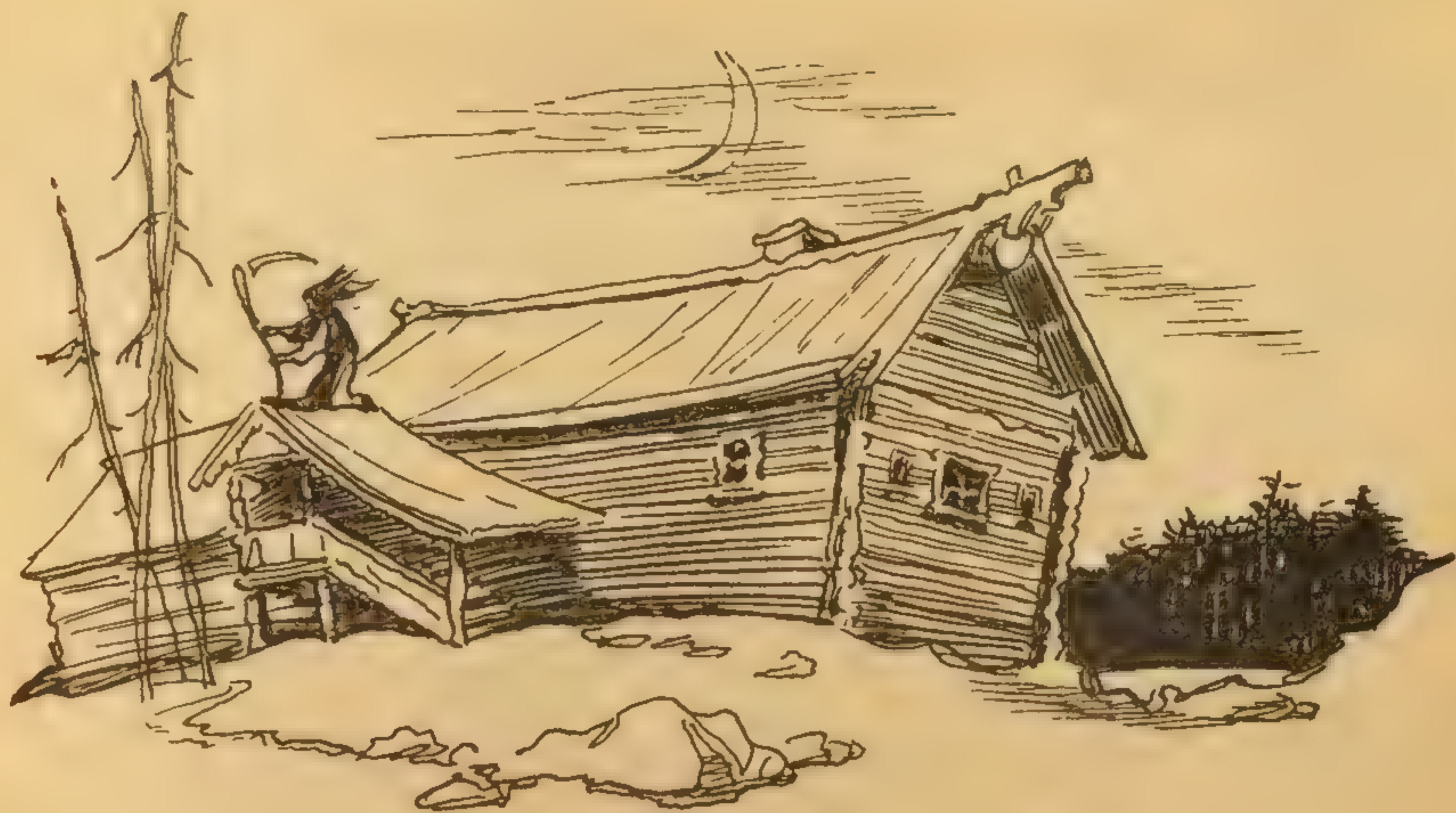
А народ кругом стоит, слушает, над царём злым, несправедливым смеётся.

Нечего делать: пришлось царю слугам своим приказывать жерновок сиротам отнести.

Тогда выскочил петух из царёва живота и домой побежал. Уж как рады были брат и сестра петушку своему! Уж они его и холили, и нежили, и гладили.

Стали с тех пор брат и сестра и петушок опять хорошо жить. Жёрнов им блинов и пирогов вдоволь молот, так что они и сами сытно жили и других бедняков угощали.

СЕСТРА И ДЕВЯТЬ БРАТЬЕВ

В давние времена, в далёкие годы жили охотник и его жена: не старые и не молодые, не богатые и не бедные. Было у них девять сыновей. Пришло время, пора настала, задумался охотник и на случай смерти поделил между сыновьями имущество: старшему — лошадёнку, второму — коровёнку, третьему — барашка, четвёртому — овечку, пятому — поросёнка, шестому — лодку, седьмому — сети, восьмому — силки, а девятому — лук для охоты.

— А если десятым сын родится, ему уж дом останется, — сказал отец.

И вот стало известно, что в семье родится скоро ещё один ребёнок.

Тогда девять братьев поговорили меж собой и решили:

— Зачем ждать да гадать? Всё одно придётся нам расстаться с родным домом, так лучше загодя уйти. Пойдём в лес, там и останемся. Пусть десятый брат всем владеет.

Стали девять братьев, родителей жалеючи, будто на охоту собираться. А потом подошли к ним и говорят:

— Мы в лес идём. Охота большая будет. Кто знает, когда назад вернёмся. Вы, батюшка с матушкой, не томитесь, нас скоро не ждите. Если девочка у нас в доме родится, то поднимите вы на крыше прялку, а если мальчик — косу. Как мы будем из лесу возвращаться, так и узнаем, кто нас ожидает — брат или сестра.

Простились и ушли.

Вот прошло столько-то времени, и родился в доме не мальчик, нет, родилась девочка.

Вспомнила мать, о чём её сыновья любимые просили, и поставила на крышу, над самым крылечком, прялку.

Прослышала о том колдунья, проклятая Сювятар, и задумала свой злодейский план. Подобралась ночью к дому и потихонечку, чтобы братьев обмануть, сняла с крыши прялку, а на её место косу подняла.

Живут девять братьев в лесу, охотятся, а родной дом забыть не могут, каждый час вспоминают. Вот и говорит старший брат своим братьям:

— Давайте пойдём глянем, кто у нас в доме родился. Ведь не может быть, чтобы родная мать нашей просьбы не исполнила: или прялка, или коса нас на крыше ждёт.

Пошли братья к дому, до лесной опушки дошли, остановились, из-за деревьев смотрят — не хотят отца с матерью расстраивать, видят издали: над крылечком, на самой крыше, — коса.

Сказали братья:

— Нас и так девятеро братьев, а ещё десятый родился. Ему и дом обещан. Раз на то воля родительская, так и будет, а к чему нам наследство, лошадь, корова, баран да овца... Мы и так проживём, прокормимся. А он, самый младший, пусть всем владеет.

И ушли обратно в лес.

Стала дочка расти, да такая умная да приветная, что и рассказать нельзя, описать невозможно. Только видит она — чуть вечер придёт, достанет мать из сундука, девять рубашек мужских, на них глядит и плачет.

Стала дочка спрашивать:

— Что это ты, матушка, на рубашки гляючи плачешь?

А матушка ей отвечает:

— Ой, доченька, кабы знала ты, кабы ведала, так и сама бы заплакала! Было у тебя девять братьев, а у меня девять сыновей любимых, ненаглядных. Перед тем как тебе родиться, пошли они в лес на охоту и не вернулись. Оттого я на их рубашки смотрю и плачу, забыть не могу.

Ещё прошло время. Не год, не два. Подросла дочка, а слов материнских забыть не может. Всё думает, как бы слёзы её унять, сердце утешить, любимых братьев своих найти.

Пришла она однажды к матери и сказала:

— Матушка ты моя, дай мне эти девять рубашек. Пойду я братьев искать.

Заплакала матушка, зарыдала:

— Ой, доченька моя ненаглядная, уйдёшь ты от меня и, как девять братьев твоих, не вернёшься! Тогда совсем жизни мне не будет!

А дочка ей говорит:

— Не бойся, матушка, я вернусь и братьев найду!

Что делать? Начала мать собирать дочку в дорогу. Испекла пирогов, положила в кошёлку девять рубашек и говорит:

— Возьми ты с собой, доченька, в дорогу собачку маленькую, беленькую, Шавочку нашу. Всё веселей будет.

Взяла дочка Шавочку и пошла в путь-дорогу.

Шла она, шла, вдруг на лесной тропинке догоняет её женщина. Лицом неприметная, а платьем заметная: из рожи оно.

Кабы знала девушка, что это сама колдунья Сювятар была. Так ведь не знала она о том, не ведала.

А злодейка Сювятар догнала её и говорит:

— Здравствуй, красавица! Видно, нам по пути. Пойдём вместе, всё веселей!

Пошли они вместе. Дошли до озера. А день был жаркий.

Сювятар и говорит девушке:

— Давай искупаемся!

А собачка Шавочка, маленькая, беленькая, подбежала к своей хозяйке, за подол её зубами схватила, тянет — не пускает и говорит:

— Тяф-тяф! Не ходи купаться — беда будет!

Разозлилась Сювятар, зашипела, закричала:

— Ах ты, Шавка негодная! Вот я тебя!

Схватила с земли камень, бросила его в собачку и перебила ей лапу.

Но девушка собачку свою, маленькую беленькую Шавочку, послушалась, не стала купаться.

Идут они дальше, а Шавочка за ними на трёх лапах скачет. Подошли к другому озеру.

Сювятар опять говорит:

— Давай искупаемся!

А собачка Шавочка на трёх лапах прыгает, за подол хозяйку свою прочь от озера тянет.

— Тяф-тяф! — говорит. — Не ходи купаться — беда будет!

Схватила Сювятар камень, запустила в Шавочку, вторую лапу ей перебила.

Не стала девушка купаться. Взяла собачку, маленькую беленькую Шавочку свою любимую, на руки, несёт, плачет, жалеет её.

А Сювятар говорит:

— Давай отдохнём. Куда дальше идти, зачем торопиться?

А у девушки её родные братья из головы нейдут, забыть она их не может, скорее домой к матери привести, вернуть их мечтает.

— Ты, — говорит, — как хочешь, хочешь сиди, отдыхай, а я дальше пойду.

Шли они, шли. Опять озеро на их пути встретилось. Сювятар и говорит:

— Давай искупаемся! Сил нет дальше идти!

А собачка опять залаяла:

— Тяф-тяф! Не ходи ты, не ходи купаться — беда будет!

Схватила Сювятар собачку, маленькую беленькую Шавочку, и убила её.

Но девушка и на этот раз послушалась Шавочку и купаться не стала.

Вот пошли они дальше, без собачки уже, и снова попалось им на дороге озеро.

И опять Сювятар манит девушку:

— Давай искупаемся! Тогда легче будет дальше идти! Не было с ними собачки, маленькой беленькой Шавочки. Согласилась девушка.

Стали они купаться, а Сювятар говорит:

— Давай нырять — кто дальше нырнёт, дольше под водой пробудет.

Нырнула девушка, а Сювятар на берег выскочила, оделась в платье девушки, кошёлку с девятью рубашками братьев её схватила. Сидит на берегу, хихикает.

Пришлось девушке несчастной в платье Сювятар в рогожное одеться. А колдунья злая в него заранее иголку воткнула.

Укололась девушка той иголкой и онемела.

Идёт она за Сювятар — сказать слова не может и уйти не может: несёт злая волшебница все девять рубашек, все девять судеб братьев её любимых.

А Сювятар не зря колдовала: знала, где девять братьев живут.

Вот пошла Сювятар по дороге, за ней девушка молча идёт, слёзы на землю роняет. Вдруг показалась полянка. Вся в жёлтых цветах. А посреди полянки избушка.

Зашли они в избушку, а в ней девять молодцев отдыхают, спят.

Зашипела Сювятар на девушку, за печку посадила, выходить оттуда не велела. А сама достала из кошёлки девять рубашек, каждому молодцу у изголовья положила, а возле ещё по пирогу поставила, расселась в горнице и ждёт, когда братья проснутся.

Вот проснулись братья, поднялись, рубашки увидели, ничего понять не могут:

— Откуда рубашки наши взялись? Ведь их нам родная мать своими руками шила!

Надели они рубашки, повеселели. А тут смотрят — пироги готовые лежат. Отведали, диву даются:

— Что за чудо? Такие вкусные пироги только наша родная мать печь умеет! Кто же их сюда принёс?

Засмеялась Сювятар, захихикала:

— Неужели вы меня, братья любимые, не узнаете? Это я, ваша сестра, вам рубашки принесла, пирогами угостила!

Обрадовались братья. Стали они Сювятар обнимать, целовать: поверили ей, за сестру приняли.

Вот увидел старший брат за печкой девушку и спрашивает:

— А это кто?

А девушка сказать ничего не может. Молчит и плачет только.

А Сювятар смеётся:

— Тухкимус это. Запечница чумазая. Там ей и место, пусть сидит, золу ворошит, перебирает.

Начала Сювятар в доме у братьев хозяйничать. Живёт злодейка, радуется, что настоящая сестра слезами умывается, а девять братьев ничего не знают, не ведают и её, Сювятар, колдунью, за свою сестру принимают.

Послала Сювятар девушку свиней пасти. Дала ей пирог с лягушатиной — коли проголодаешься, ешь; помоев дала — пить захочешь, пей!

Отослала в лес, а перед тем иглу из рогожного платья её незаметно выдернула, чтобы девушка могла в лесу свиней созывать.

Пасёт девушка свиней, видит — по небу гуси летят. Говорит она гусям:

Гуси вы, гусыньки,
Постойте, погодите,
Меня, бедную, послушайте!..
Летите вы, гусыньки,
К дому моему родимому,
Передайте вы отцу Ивану,
Матери моей Марье скажите,
Что родная их доченька
У девяти братьев свиней пасёт,
За печкой живёт,
Слезами исходит.
А Сювятар-ведьма
На красном стуле в горнице сидит,
Себя сестрой величает,
А мне в лес пирог с лягушатиной дала,
В туесок берестяной помоев налила!

Только вечер пришёл, погнала девушка свиней из лесу домой, а Сювятар уже её на дороге встречает.

Встретила и опять незаметно, тайком, в её одежду рогожную иглу воткнула.

Укололась девушка и онемела снова.

Пришла в избу, за печку села, слёзы льёт.

Удивились братья, почему это девушка плачет. Спросили её, а она ни слова в ответ.

Тогда Сювятар за неё ответила:

— Что вы на неё глядите, её спрашиваете! Она дурочка, не в своём уме!

Пожалел девушку младший брат и пошёл на другой день в лес за ней следом, посмотреть, как она там свиней пасёт.

И на этот раз Сювятар незаметно из её платья иголку вынула, чтобы могла девушка свиней сзывать.

Пасёт девушка свиней, видит — летят по небу гуси. Она снова, как в прошлый раз, запричитала, заплакала:

Гуси вы, гусыньки,
Постойте, погодите,
Меня, бедную, послушайте!..
Летите вы, гусыньки,
К дому моему родимому,
Передайте вы отцу Ивану,
Матери моей Марье скажите,
Что родная их доченька
У девяти братьев свиней пасёт,
За печкой живёт,
Слезами исходит.
А Сювятар-ведьма
На красном стуле в горнице сидит,
Себя сестрой величает,
А мне в лес пирог с лягушатиной дала,
В туесок берестяной помоев налила!

Выбежал брат младший из-за деревьев, где прятался, обнял сестру. Она ему всё и рассказала.

Погнали они свиней назад вместе. А уж злодейка Сювятар на дороге девушку встречает.

Заслонил брат сестру от колдуньи и сказал:

— Ах ты, злая ведьма, колдунья проклятая Сювятар! Не боюсь я тебя и сестру в обиду не дам!

А уж рядом остальные восемь братьев стоят, один к одному — рослые, сильные.

— Мы, — говорят, — тебя сейчас схватим, не помилуем, что ты нас всех — и отца, и матушку, и сестричку любимую — мучила!

Отступилась Сювятар перед девятью братьями.

Оделась их сестра в своё платье, а Сювятар пришлось в рогожу обрядиться.

Взяли тогда её девять братьев за руки, за ноги, словно верёвку узелком связали и там же, в лесу, бросили.

Собрались девять братьев со своей сестрой и пошли в путь-дорогу, к отцу с матерью, к родимому дому.

КУКАРЕКУ

Жили старик и старуха. Были они очень бедные. Старик-то совсем старый был. За какую работу ни примется — не по силам ему, не по сноровке. И не брал его никто ни внаём, ни так ни сяк. И не было у них в доме хлеба ни крошки.

Сказал однажды старик:

— Отпусти ты меня, старуха, царя славить да господам песни петь! Может, в дальнем краю я на хлеб заработаю.

— Уж какой из тебя, старик, певец! Да дслать нечего, иди.

Отпустила его старуха. И отправился старик в путь-дорогу.

Пришёл в царёв дворец, там сад цветёт, птицы поют. Попросился к царю на службу.

Царь засмеялся только:

— Куда тебе, старому, в работники! Сидел бы на печи!

А старик ему говорит:

— Я бы сидел на печи с превеликим бы удовольствием, да нечего дома есть, хлебушка нет ни крошки! Оба со старухой моей с голоду помрём!

Тогда царь, над ним насмехаясь, велел старику на столб взлезть и петухом там, наверху, петь.

— Три года будешь кукарекать, — наказал старику царь: — «Кукареку, кукареку, у петуха золотые шпоры, а у царя и того лучше!» Откукарекаешь, я тебе в награду дам золотые башмаки, серебряные завязочки.

Что делать? Взобрался старик на столб. Восемь лет там сидел, кукарекал, пока царь со своими придворными внизу, в креслах развалился, похохатывал!

А как срок истёк, дал старику золотые башмаки, серебряные завязочки.

И пошёл старик к своей старухе.

Шёл он, шёл, и попался ему навстречу прохожий. Идёт, коня в поводу ведёт и спрашивает у старика:

— Откуда, старина, идёшь, куда путь держишь?

Ответил ему старик:

— Да вот ходил царя славить, господам песни петь. Пел я там шесть лютых зим, семь жарких лет, кукарекал восемь годов.

Спрашивает прохожий:

— А что тебе в награду дали?

— Дали мне в награду, — сказал старик, — золотые башмаки, серебряные завязочки.

Спросил прохожий:

— Не променяешь ли башмаки на коня?

А старик-то устал. Он и согласился:

— Что ж, давай меняться.

Сел старик на коня, поехал дальше.

Повстречался ему другой человек прохожий. Этот коро-
ву вёл.

Спросил он у старика:

— Откуда, старина, коня ведёшь?

Ответил старик:

— Ходил царя славить, господам песни петь. Пел я там шесть лютых зим, семь жарких лет, кукарекал восемь годов.

— Что тебе в награду дали?

— Золотые башмаки, серебряные завязочки.

— Не променяешь ли, старина, башмаки на корову?

— Уже променял на коня, — говорит старик.

— Променяй коня на корову.

А старик-то проголодался. «Эх, — думает, — корова молочка даст, я и напьюсь, и старуха рада будет!»

— Что ж, — говорит, — давай меняться!

Променял старик коня на корову, попил молочка и пошёл дальше.

Тянет он корову за собой, тянет — опять навстречу человек прохожий: барана ведёт.

Спрашивает человек:

— Откуда, старина, корову ведёшь?

— Ходил царя славить, господам песни петь. Пел я там шесть лютых зим, семь жарких лет, кукарекал восемь годов.

— Что тебе в награду дали?

— В награду дали золотые башмаки, серебряные завязочки.

— Не променяешь ли, старина, башмаки на барана?

— Променял уже на коня, а коня — на корову.

— Тогда променяй, старина, корову на барана.

«Эх, — подумал старик, — корову-то тянуть надо, из сил выбьешься, а баран куда легче!»

Согласился старик: променял корову на барана и пошёл дальше.

А навстречу ему человек с собакой идёт:

— Давай меняться?

А старик с бараном умаялся. Говорит сам себе:

«Не сменяться ли на самом деле? Собаку-то вести совсем не надо: она сама побежит, да ещё меня, старого, беречь будет!»

Променял старик барана на собаку. Идёт, а тут прохожий с кошкой.

Старик умом раскинул: «Что, если собаку на кошку сменять? Старухе приятнее — всё кошечка домовитее, возле хозяйки сидеть будет, мышей ловить будет!»

Прохожий и рот раскрыть не успел, а уж старик сам говорит:

— Давай меняться: ты мне кошку, а я тебе собаку!

Прошёл немного, надоело кошку на руках нести да как она мяучит слушать. Хорошо ещё, новый прохожий ему повстречался, предложил кошку на брусок сменять.

Обрадовался старик, сменял кошку на брусок и пошёл с бруском своей дорогой.

Шёл, шёл, вдруг видит — у дороги озеро, а по нему две утки плавают. Загорелся старик, вспомнил молодость, размахнулся да как кинет брусок в уток. Метил в них, да не попал! Брусок в воду угодил, утонул в озере.

Пошёл старик дальше и пришёл домой.

Старуха его спрашивает:

— Где ты, муженёк, так долго пропадал?

Отвечает старик старухе:

— Ходил царя славить, господам песни петь. Пел я там шесть лютых зим, семь жарких лет, кукарекал восемь годов.

— А что тебе, старик, в награду дали?

— Дали мне в награду золотые башмаки, серебряные завязочки.

Как услышала эти слова старуха, так к корыту кинулась скорее ноги мыть!

— Что это ты, старуха, ноги моешь? — спрашивает старик.

— Да золотые башмаки примерять собираюсь!

А он ей в ответ:

— Уж променял их на коня.

Бросилась старуха во двор, давай скорее конюшню строить!

Старик спрашивает:

— Для чего, старуха, конюшню строишь?

— Да коня поставить!

А он говорит:

— Уж променял я коня на корову.

Старуха скорее хлев строить, скорее хлев строить!

А он:

— Для чего, старуха, хлев строишь?

— Да корову поставить!

— Уж променял я корову на барана.

Старуха скорее закут сколачивать, скорее закут сколачивать!

— Для чего, старуха, закут сколачиваешь?

— Да барана поставить!

— Уж променял я барана на собаку.

Старуха скорее корытце мастерить, скорее корытце мастерить!

— Для чего, старуха, корытце мастеришь?

— Да собаку кормить!

— Уж променял я собаку на кошку.

Старуха скорее чашку мыть, скорее чашку мыть!

— Для чего, старуха, чашку моешь?

— Да кошку молоком поить!

— Уж променял я кошку на брусок.

Старуха скорее ножи да топоры искать, скорее ножи да топоры искать!

— Зачем ты, старуха, ножи и топоры ищешь?

— Да о брусок точить, о брусок точить, чтобы острые были!

— Уж брусок я в утку кинул.

Тут старуха не стерпела, скорее котелок на огонь поставила, скорее котелок на огонь поставила!

— Для чего, старуха, котелок на огонь ставишь?

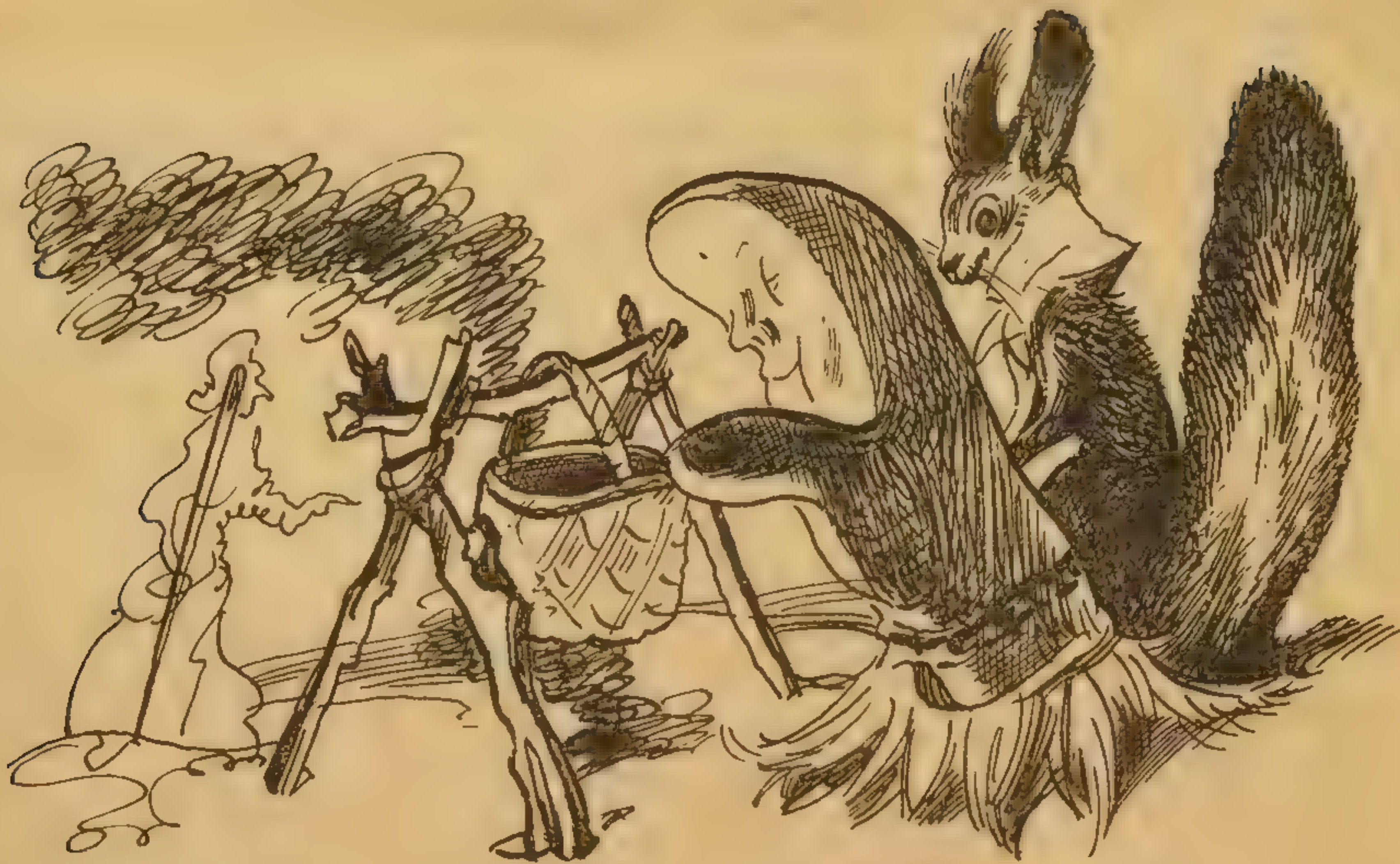
— Да ту утку варить!

— А я в утку не попал.

Взяла старуха поварёшку да поварёшкой старика по голове, поварёшкой по голове!

На том и сказке конец.

ИГЛА, БЕЛКА И РУКАВИЦА

Жили-дружили игла, белка и рукавица.

Отправились они однажды в путь-дорогу, в дальний лес. Шли, шли, вдруг смотрят — перед ними три тропинки, и все рядом. Белка — она всех старше была — и говорит:

— Мы по тропочкам пойдём, а кто первый находку найдёт; остальных позовёт.

Иголка шла, шла и пенёк смолистый нашла. Вот она и закричала:

— Эй, скорее, рукавица вместе с белочкой-сестрицей! Я по тропке шла и находку нашла!

Подбежали к иголке белка и рукавица.

— Вот какой пенёчек я нашла! — говорит игла. — Смолистый!

Рассердилась белка, рассердилась рукавица.

— Разве это находка! Таких пеньков в лесу тьма!

Побили они с досады иголку и разошлись по тропкам снова.

Иголка шла, шла и лесное озерко нашла. Маленькое, не больше лужицы, а всё ж вода! И опять закричала:

— Эй, скорее, рукавица вместе с белочкой-сестрицей!
Я по тропке шла и находку нашла!

Подбежали к ней рукавица с белкой:

— Ну, что нашла?

Иголка и отвечает:

— Озерко нашла, лесное, маленькое, величиной с лужу, а всё же вода!

А те в ответ:

— Да их в лесу не одно, не два, а тысячи!

Досталось иголке опять. Били они её и приговаривали:

— Шла, шла и такую находку нашла! В другой раз не хвастайся, не бахвалься!

И опять в разные стороны разошлись.

Подходит иголка к болоту и видит: олени траву щиплют.

Подкралась иголка к самому большому оленю и уколола его. Он и повалился замертво.

Тут иголка как крикнет:

— Эй, скорее, рукавица вместе с белочкой-сестрицей!
Я по тропке шла и находку нашла!

А рукавица с белкой в ответ:

— Нет уж, хватит! Теперь мы тебе не поверим, не побегим пенёк смотреть!

Иголка же во второй раз зовёт их:

— Эй, скорее, рукавица вместе с белочкой-сестрицей!
Я по тропке шла и находку нашла!

А рукавица с белкой в ответ:

— Полно, полно шутки шутить, сестрица! Мы теперь не побегим озерко смотреть!

А иголка не унимается, в третий раз зовёт:

— Эй, скорее, рукавица вместе с белочкой-сестрицей!
Я по тропке шла и находку нашла!

Тут не утерпели они, подбежали к иголке.

— А ну посмотрим, что за находка?

— Я оленя подстрелила!

Смотрят — и верно, лежит убитый олень.

Рукавица с белкой давай иголку по головке гладить —

больно уж хорошую находку она нашла, отчего теперь не похвалить.

Разделали они оленя, чтобы мясо сварить, да вот беда: котелка-то у них нету.

Тогда иголка и говорит белке:

— У тебя коготки острые, надери-ка берёсты, мы из неё котелок смастерим и мяса наварим.

Сказано — сделано. Надрала белка берёсты, а иголка прошила её — и котелок готов.

— А ведь у нас воды нет, да и взять её негде! — загоревала рукавица.

А иголка в ответ:

— Да я ж озерко нашла, маленькое, величиной с лужу, а всё ж вода!

Обрадовалась рукавица, сбегала по воду.

— А ведь у нас и дров-то нет! — заплакала белка.

Тут иголка и говорит:

— Так я ж пенёк нашла, смолистый!

Обрадовалась белка, обрадовалась рукавица. Побежали они к пеньку. В щепы его изрубили, притащили полные охапки дров и давай оленину варить.

Вот сварилось мясо, наелись они досыта, а остатки домой снесли.

И теперь едят, если не доели.

А что иголку они попрекали, того, наверное, не помнят!..

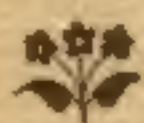
СОДЕРЖАНИЕ

ЯККО РУГОЕВ. СКАЗКИ ЛЕСНОГО КРАЯ _____	3
УМНЫЙ СКАЗОЧНИК _____	5
ОЛЬХОВАЯ ЧУРКА _____	8
ПОЧЕМУ ВОДА В МОРЕ СОЛЕНАЯ _____	24
УМНАЯ ДОЧЬ БЕДНЯКА _____	28
ЛИСА, СОРОКА И ВОРОНА _____	33
ГОЛУБАЯ ВАЖЕНКА _____	37
ТУХКИМУС _____	43
ЛИСА, ВОЛК И МЕДВЕДЬ _____	53
ПРИЛЕЖНАЯ И ЛЕНИВАЯ _____	56
ДЕВУШКА НА БЕЛОМ КОНЕ И ХРАБРЫЙ ЮНОША _____	62
КОТ МУИЛОВИЧ АРТАМОНОВИЧ _____	74
ПТИЧКА-НЕВЕЛИЧКА, КРАСНЫЕ ПЕРЫШКИ, ЗОЛОТОЙ НОСОК _____	79
СУМА, ДАЙ УМА! _____	84
КРАСАВИЦА НАСТО _____	90
КОЗА И БАРАН _____	100
ПЕТУШОК С КРАСНЫМ ГРЕБЕШКОМ _____	104
СЕСТРА И ДЕВЯТЬ БРАТЬЕВ _____	111
КУКАРЕКУ _____	119
ИГЛА, БЕЛКА И РУКАВИЦА _____	124

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге просим присылать
по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Д Л Я Н А Ч А Л Ь Н О Й Ш К О Л Ы

КАРЕЛЬСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Ответственный редактор Р. Д. Кафриэляни

Художественный редактор Т. М. Токарева

Технический редактор С. Г. Маркович

Корректоры Г. Ю. Гнетова и Г. В. Русакова

Сдано в набор 14/IV 1972 г. Подписано к печати
1/VIII 1972 г. Формат 70×90¹/₁₆. Печ. л. 8. Усл.
печ. л. 9,36. (Уч.-изд. л. 7,21). Тираж 150 000 экз.
ТП 1972 № 380. Цена 41 коп. на бум № 2.
Ордена Трудового Красного Знамени издательст-
во «Детская литература» Комитета по печати при
Совете Министров РСФСР. Москва, Центр,
М. Черкасский пер., 1.

Калининский полиграфкомбинат детской литерату-
ры Росглавполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров РСФСР. Калинин, проспект
50-летия Октября, 46. Заказ № 775.

К22 Карельские народные сказки. Сост. У. С. Конк-
ка. Пересказ. с карел. В. Важдаев. Рис. В. Ми-
наева. М., «Дет. лит.», 1972.

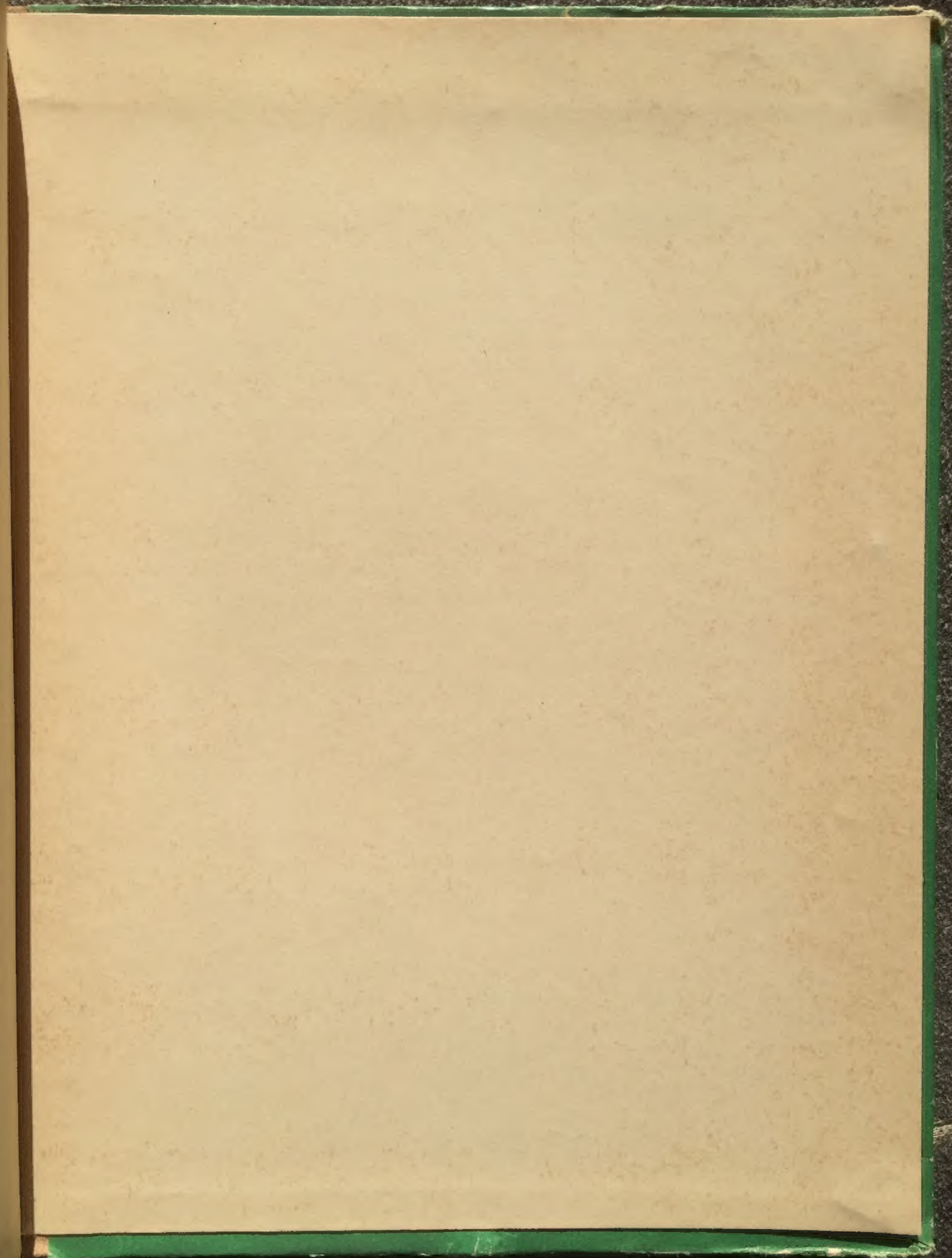
126 с. с илл. (Школьная б-ка). 150 000 экз., 41 коп. в пер.

В эту книгу входят сказки одного из северных народов нашей
страны — карелов.

7—6—2

380—72

С(Карел)

Цена 41 коп.

